B.H.J.M.

ЕРМАКЪ

или

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

XVI СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ПАВЛА СВИНЬИНА.

« Онъ шелъ какъ сполохъ, огнемъ палящій,
« Какъ люшый мразъ, все вдругъ мертвящій!
« Куда стрѣлу ни посылалъ —
« По всюду жизнь предъ нимъ блѣднѣла,
« И страшна смерть во слѣдъ летѣла!

И. И. Дмитріевъ.

Часть третія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.

1834.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были три экземпляра въ Цензурный Комитетъ. Санктпетербургъ, 9 Февраля 1834 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 313154
193 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА. I.

Стр.

Явленія, возвѣщавшія паденіе Кучумова Царства. — Кучумъ лишается зрѣнія. — Ужасная тюрьма. — Козаки на Иртышѣ. — Пытки. — Твердость Шамана. — Абалакъ. — Царица Зимбула. — Велика освобождается изъ гарема Кучумова. —..... 1

ГЛАВА II.

Козаки постятся 40 дней. — Ермакъ ведетъ ихъ къ Засѣкѣ. — Кровопролитіе. — Опасность. — Неожиданная перемѣна. — Побѣда. — Бѣгство Кучума. — Гроза пропалъ. — Догадки. — Узники. — Торжественный входъ побѣдителей въ столицу Сибирскаго Царства. — Взглядъ на оную. —

Стр.

Сокровища тамъ найденныя. — Необыкновенная роскошь Кучумова гарема. — Неприступное положеніе Искера..... 37.

ГЛАВА III.

Остяки, Вогуличи и Татары просятъ милости и покровительства у побѣдителей. — Присяга въ вѣрности, по ихъ обычаю. — Новая услуга Уркунду. — Ермакъ обладатель обширнаго Царства. — Взглядъ на первоначальные его подвиги въ Сибири. — Усмиреніе возмущеній. — Преодолѣніе препонъ, поставляемыхъ природою..... 63.

ГЛАВА IV.

Кольцо спасается въ снѣгу, во время пурги. — Угощеніе и забавы Остяковъ. — Любопытный разсказъ Грозы. — Новыя козни Мещеряка. — Гибель 20 козаковъ. — Судъ надъ виновными. — Торжество Грозы. — Трогательное зрѣлище..... 83.

ГЛАВА V.

Помолвка Грозы съ Великою. — Открытіе новыхъ умысловъ Мещеряка. — Остяки и Вогулы требуютъ Ермака въ Цари

Стр.

Сибирскіе. — Ермакъ отвергаетъ. — Кругъ. Посторонніе толки. — Ермакъ предлагаетъ повергнуть завоеванное ими Царство, Царю Іоанну Васильевичу. — Мещерякъ *противится.* — *Провозглашеніе* Ермака Царемъ Сибирскимъ. — *Козаки увлечены лестію и коварствомъ* Мещеряка. — Ермакъ отказывается. — Кольцо ѣдетъ посломъ къ Царю Іоанну Васильевичу. — Неудача Мещеряка. .... 115.

ГЛАВА VI.

Семейное несогласіе Спрогоновыхъ. — Денисъ Орелъ отправленъ въ Москву. — Непріятное положеніе Максима Яковлевича Спрогонова. — *Прекрасная утѣшительница.* — *Святочныя забавы.* — *Гаданье.* — Колдуньи. — Радостныя вѣсти. — Встрѣча соперницъ. — Примиреніе братьевъ. — Сборы въ Москву..... 147.

ЕРМАКЪ

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

ГЛАВА I.

Явленія, возвѣщавшія паденіе Кучумова Царства. — Кучумъ лишается зрѣнія. — Ужасная тюрьма. — Козаки на Иртышѣ. — Пытки. — Твердость Шамана. — Абалакъ. — Царица Зимбула. — Велика освобождается изъ гарема Кучумова.

Страшно ревѣлъ Иртышь, ударяя сѣдыми волнами своими, словно желѣзнымъ тараномъ, въ неприступный утесъ Искера. Грохотъ и громъ, раздававшіеся отъ сихъ ударовъ, умножились еще паденіемъ

огромныхъ глыбъ и каменьевъ, низвергавшихся съ большой высоты въ кипящія бездны бездонной рѣки, (*) а брызги, отъ того происходившіе, съ визгомъ подымались къ небесамъ, подобно неукротимымъ фонтанамъ. Но далеко онѣ не досягали еще до вершины утеса, на коемъ мелькали двѣ человѣческія тѣни. Безстрашныя — онѣ спокойно приблизились къ самой оконечности висящаго надъ бездною гранита, какъ будто для того, чтобъ любоваться яростію волнъ и свирѣпостію урагана, потрясавшихъ основаніе, на которомъ онѣ стояли.

(*) Перпендикулярная высота утеса отъ поверхности рѣки, около 53 саженъ. Старожилы увѣряютъ, что отъ мѣста, занимавшагося Искеромъ, отвалилось уже около 40 саженъ.

По темнотѣ ночи мудрено бы было угадать, кто эти блуждавшія привидѣнія въ толь ужасную минуту и на толь ужасномъ мѣстѣ, а того еще не возможнѣе было, отъ воя стихій, разслышать словъ ихъ, если бъ выкатившійся изъ-за Панина бугра (*) огненнымъ щаромъ огромный мѣсяцъ, не освѣтилъ ихъ кровавымъ заревомъ, а наставшая тишина, послѣ промчавшагося вихремъ урагана, не подала возможности понять ихъ разговора.

«Видѣлъ ли, невѣрующій, знаменія, которыя предвѣщаютъ паденіе твоего Царства,» говорилъ дикій голосъ, схожій съ говоромъ знакомаго намъ Шамана Уркунду, сѣдому старцу бодрой наружности. «Видѣлъ ли: какъ вода въ Иртышѣ кипѣла

(*) Высочайшая гора противъ Тобольска.

кровію, какъ Чувашскій мысъ бросалъ золотыя и серебреныя искры. Подождемъ до полуночи и въ твоихъ глазахъ Русская сабака загрызетъ бѣлаго волка. (*)

« *Да! я видѣлъ достаточно,* чтобъ повѣсить тебя со всею братіею прокляпыхъ колдуновъ, пугающихъ робкій народъ мой столь глупыми предвѣстіями, » отвѣчалъ угрюмо старецъ.

« Нѣтъ! Кучумъ, не грѣши предъ Богомъ, вразумляющимъ тебя своими знаменіями. Благодари Его и пользуйся . . . . »

«Дерзкій кудесникъ, » воскликнулъ Кучумъ, « я пощажу тебя, чтобъ первые лучи солнца освѣтили твое

(*) По свидѣтельству Мурзы Девлетбая, жившаго въ городкѣ Бицикпурѣ, Кучуму являлись всѣ сіи предвѣстья и знаменія.

гнусное тѣло разпятіемъ на томъ крестѣ, который Шаманамъ твоимъ видится въ небеси. (*)

«Если Богъ не совсѣмъ на тебя прогнѣвался, то не допуститъ тебя *до сего безумія*,» отвѣчалъ смѣло Уркунду.

«Нѣтъ! Я дамъ тебѣ жизнь, «сказалъ Кучумъ съ злобнымъ хохотомъ, какъ будто обрадуясь счастливой мысли, «но вырву языкъ, выколю глаза и забью гвоздями уши, чтобъ ты донесъ пославшему тебя яуру о всемъ, что здѣсь видѣлъ и слышалъ....»

«И все это не спасетъ Царства твоего отъ Божіяго наказанія, избравшаго уже грозныхъ мстителей

(*) По его же свидѣтельству, кромѣ креста, видѣлся надъ Искеромъ въ воздухѣ городъ съ Христіанскими колокольнями.

за кровь братій моихъ, невинно пролитую въ угодность твоего Магомета. »

« Язычникъ, вѣщій коршунъ, » вскричалъ въ ярости Кучумъ, и выдернулъ изъ-за пояса кинжалъ свой. Но сколь ни быстро было движеніе раздраженнаго Хана, но еще скорѣе исчезъ Шаманъ отъ угрожавшаго ему удара, — острое оружіе покатилось къ ногамъ Кучума и онъ, зашатавшись, упалъ на край пропасти, въ которую, конечно бъ, низвергнулся, если бъ сильная рука не удержала его.

Между тѣмъ красный мѣсяцъ подернулся черною тучею, какъ щитомъ закаленнымъ, и опять завылъ полуночный вѣтеръ. Уркунду, (ибо чиганели безъ сомнѣнія отгадали, что никто иной, какъ Шаманъ нашъ, удержалъ Хана отъ паденія

въ пропасть, забывъ свою собственную опасность), не могъ постичь причины паденія своего прошивника, а того болѣе удивленъ былъ его продолжишельнымъ молчаніемъ, не имѣя возможности за шемнотою прочесть причины онаго на лицѣ его.

Удивленіе его еще увеличилось, когда Ханъ, крѣпко державшій его за руку, спросилъ: « кто мой спасишель ? »

« Я исполнилъ законъ безсмертнаго Нумы, » отвѣчалъ Уркунду.

« Какъ это ты прокляшый кудесникъ, вырвавшій невидимою силою кинжалъ изъ моей руки и накликавшій эту несносную шемношу, отъ которой я не вижу швоей рожи ? »

Но черная туча давно уже пронеслась и тьма уступила мѣсто

самому свѣтлому мерцанію полной луны. Когда Уркунду взглянулъ на Кучума, то яркій лучъ ночнаго свѣтила осребрилъ его блѣдное лице и впалыя щеки. Онъ тотчасъ догадался, что Ханъ лишился зрѣнія.

Шаману хотѣлось бы весьма оставить несчастнаго Царя въ его недоумѣніи; ибо, зная его бѣшеный нравъ, онъ предвидѣлъ ярость и мщеніе, которымъ онъ предастся въ первую минуту увѣренности въ своемъ несчастіи; но Кучумъ не выпускалъ его изъ руки своей, а потому не было возможности освободиться отъ него, притомъ ему извѣстно было, что Кучуму стоило подать малѣйшій знакъ и тысячи вооруженныхъ Татаръ явятся къ нему на помощь. И такъ Уркунду рѣшился предаться на волю Провидѣнія, всегда спасавшаго его не-

винность. Но теперь, — казалось, оно отступилось и гибель его была неизбѣжна; ибо едва Кучумъ позналъ свое бѣдствіе, то первою его мыслію было заключеніе, что Шаманъ обаяніемъ напустилъ на него оное. Приведя себѣ на память, какъ хотѣлъ онъ поразить кинжаломъ дерзкаго Уркунду, какъ онъ быстрѣе молніи исчезъ отъ его удара, какъ кинжалъ невольно выпалъ изъ его руки и онъ повергся на землю, — Царь не могъ болѣе сомнѣваться въ преступленіи колдуна и отдалъ приказъ своимъ тѣлохранителямъ бросить его въ пучину. Мгновеніе — и бѣдный Уркунду полетѣлъ бы въ бездну, изъ которой за минуту онъ спасъ безжалостнаго судію своего; но Кучумъ успѣлъ еще остановить исполненіе своего повелѣнія, перемѣнивъ оное на зато-

ченіе кудесника въ одну изъ тѣхъ ужасныхъ тюремъ, которыя и доселѣ приводятъ въ содроганіе любопытствующихъ видѣшь развалины Искера. Тамъ показываютъ нѣсколько ямъ, похожихъ на глубокіе колодцы, въ которыя упюненное варварство кидало свои жертвы, дабы увеличишь муки несчастныхъ, кои, не имѣя возможности ни присѣсть, ни повернуться, должны были стоять на ногахъ и не могли перемѣнять своего положенія.

Тайны Гарема скрыли отчаяніе Царя Сибирскаго, которому, хотя поданы были тотчасъ же всѣ извѣстные тогда способы врачеванія, но ничто не помогло.

Призванный на утро въ совѣтъ Дервишъ, также намъ знакомый, укрѣплялъ Кучума въ гнѣвѣ его на Уркунду и изобрѣталъ пытки, кои-

ми бы можно было изхитить признаніе отъ упрямаго Волхва.

« Государь, » сказалъ Визирь Тауzакъ, « ты всегда повелѣваешь мнѣ говорить правду: да повѣдаю ее теперь, хотя бы она стоила моей головы. . . . »

Кучумъ далъ знакъ согласія и Визирь продолжалъ: «Если бъ Уркунду имѣлъ злое намѣреніе посягнуть на твою драгоцѣнную, для благоденствія Сибири, жизнь, то ему достаточно бы было не удерживать тебя отъ паденія въ Иртышъ. . . . . »

« А развѣ онъ не зналъ, » прервалъ Дервишъ съ запальчивостію, « что ни какія чары не вырвали бы его изъ рукъ нашихъ. . . »

« Это справедливо, » продолжалъ съ хладнокровіемъ Визирь, « но я дерзаю донесть великому Намѣстнику Пророка, что теперь нѣтъ

достаточной причины казнить человѣка, пришедшаго съ мирными предложеніями. »

« Мудрый Визирь твой, Повелитель правовѣрныхъ, » сказалъ Дервишъ съ умножавшеюся злобою въ глазахъ, « конечно не вѣдаетъ кудесничества Шамановъ, и если они искусно напускаютъ язвы на человѣка и звѣрей, то почему не извѣстны имъ знаменія, лишающія врага своего зрѣнія? Позволь, Государь, вѣрному рабу твоему замѣтить, что для поганыхъ яуровъ, которые его подослали, нѣтъ ничего святаго и твое несчастіе, величайшее для всего полуночнаго свѣта, важнѣе для нихъ побѣды. Впрочемъ, коли Шаманъ умѣлъ сдѣлать зло, то съумѣетъ и отвратишь оное, нужно только изторгнуть его признаніе. »

Хитрый Дервишъ зналъ, что струна самолюбія всего скорѣе достигала до сердца Кучума, но онъ не вѣдалъ, что разсудокъ управлялъ имъ не менѣе необузданности перваго порыва гнѣва, кой часъ оный охлаждался, или мудрый Таузакъ призываемъ былъ для исполненія воли деспота. Такимъ образомъ и теперь, когда Визирь остался одинъ съ раздраженнымъ Царемъ, онъ умѣлъ мало по-малу довесть его до того, что онъ сознался, что Шаманъ не только не заслуживалъ наказанія, но имѣлъ право на его признательность, а потеря зрѣнія была слѣдствіемъ его гнѣва, отъ коего всѣ знахари молили его остерегаться. Преданный Визирь униженно представилъ своему повелителю, что какъ Уркунду доказалъ покупку имъ козацкой дѣвушкѣ у Бухарца Нургали, то слѣ-

дуетъ наказать насильственный поступокъ Дервиша и возвратить Шаману его собственность.

« Но посланецъ подлаго казака, достоинъ смерти и за дерзкое предложеніе свое, » сказалъ Кучумъ послѣ нѣкотораго молчанія.

« Великій Повелитель полуночнаго міра,» отвѣчалъ Визирь съ низкимъ поклономъ, «конечно войска твои непобѣдимы, преданность наша къ священной особѣ твоей неограниченна; за желѣзною грудью нашею, ты могъ бы предаваться спокойно радостямъ гарема, когда бъ Владыко середняго царства, всемощный Болдыханъ напалъ на твои улусы изъ-за каменной стѣны своей съ ополченіемъ, равняющимся пещинкамъ дна моря Хвалынскаго, или великій Моголъ двинулъ на царство твое слоновъ своихъ, какъ горы Рифейскія; не спраш-

ны и самые Янычары побѣдоноснаго завоевателя Царя-Града; но это горсть казаковъ — люди ***заколдованные***, не знающіе смерти, они опаснѣе для твоего величія. . . . »

« Экъ они *тебя* напугали, старый мой храбрецъ, ***своимъ стрѣляющимъ огнемъ и громами смертоносными,***» прервалъ его Ханъ съ насмѣшкою. Но подожди немного: и намъ пришлютъ Казанскіе самопалы. »

« Прости, Государь, вѣрному рабу твоему, дерзающему донесть, что требуется большая хитрость, чтобъ кидать огонь изъ сихъ дьявольскихъ трубъ. »

« По крайней мѣрѣ люди наши не станутъ ихъ страшиться болѣе и считать козаковъ непобѣдимыми,» замѣтилъ Кучумъ.

« Голова моя въ твоей рукѣ, » продолжалъ Визирь, низко кланяясь, « но вѣрный рабъ твой считаетъ долгомъ представить, что для безопасности твоей державы слѣдовало бы удовлетворить просьбу Шамана, дабы вступить съ козаками въ мирные переговоры. »

« Робкій рабъ, » вскричалъ съ гнѣвомъ Кучумъ, « я покажу вамъ, что лишась зрѣнія, я не лишился бодрости души и не струшу шайки разбойниковъ. »

« Великій Пророкъ да умудритъ тебя, повелитель правовѣрныхъ, положитъ преграду кровавому потоку сихъ ужасныхъ пришлецовъ, которыхъ доселѣ ничто не можетъ удержать. Тебѣ извѣстно Государь, сколь тщетны были первыя усилія храбраго Князя Епанчи: три дня сряду съ своими Тапарами и Вогу-

личами пускалъ онъ на козаковъ тучи спрѣлъ съ высокаго берега Туры. Не остановила ихъ и желѣзная цѣпь, которую приказалъ шы протянуть поперегъ Тобола. . . .»

«*Виновенъ въ томъ Есаулъ*, допустившій Ермаку обмануть себя,» прервалъ его Царь. «Измѣнникъ тратилъ спрѣлы и время попусту, спрѣляли въ чучелы, которыя Ермакъ поставилъ на плоты свои, вмѣсто козаковъ, а самъ, обойдя предателя лѣсомъ, напалъ на него въ расплохъ. Голова измѣнника виситъ на Чувашскомъ мысу. . . .»

«Но Думный Совѣтникъ твой, Карача, бился пять дней на открытомъ полѣ и въ засадахъ, съ силою въ десятеро болѣе Ермаковой, а не отстоялъ ни своихъ мѣшковъ съ золотомъ, ни твоихъ кадей съ медомъ.»

« Развѣ тебѣ неизвѣстно, что Маметкулъ сторожитъ теперь козаковъ въ крѣпкой засѣкѣ съ великою ратью. Иртышъ не увидитъ ихъ на берегахъ своихъ. Племянникъ запасся и мѣшками для головъ поганыхъ яуровъ,» прибавилъ Царь съ довольною усмѣшкою.

« Спрашусь, Повелитель правовѣрныхъ, » сказалъ робко Визирь, « чтобъ эти головы не прибѣжали сюда на своихъ ногахъ и съ пищалями въ рукахъ. »

« Таузакъ! » воскликнулъ Кучумъ съ негодованіемъ, « ты, кажется, изъ числа тѣхъ легковѣрныхъ шварей, которыхъ напугали Волхвы предзнаменованіями о паденіи моего Царства. Завтра же да объявится по всѣмъ мечетямъ и базарамъ, что глава сихъ обманщиковъ, проклятый Уркунду, преданъ Великимъ

Пророкомъ въ наши руки и понесешъ достойное наказаніе за свое коварство. Таузакъ!» продолжалъ Ханъ нѣсколько хладнокровнѣе, «я собственными глазами увѣрился, что явленія, которыя, по словамъ ихъ, предвѣщаютъ паденіе моего Царства, не существуютъ. Ты знаешь, я давно обѣщалъ великія награды тому Шаману, который бы ихъ мнѣ показалъ. Къ счастію явился отъ Ермака Уркунду съ извѣстною тебѣ просьбою, и я далъ слово ему все выполнить, если онъ докажетъ мнѣ справедливость своихъ волхвованій,—иначе грозилъ ему мучительною смертію. Уркунду согласился:вчера въ самую бурную ночь онъ повелъ меня безъ стражи, безъ свидѣтелей, на высокую скалу Иртыша. И что же представилось глазамъ моимъ? Красный мѣсяцъ

отражалъ пучину рѣки кровавымъ цвѣтомъ, а онъ увѣрялъ, что она течетъ кровью; волны рѣки ударялись о Чувашской мысъ бѣлою пѣною, а онъ заставлялъ меня принимать ихъ за серебро и золото. Хвала Великому Мухамету, не лишившему меня зрѣнія, доколѣ я не убѣдился на счетъ сего суевѣрія. Признаюсь,—оно начинало грызть мое сердце . . . . »

« Государь! Повели и у меня перваго отрѣзать языкъ за дерзость; но я не смѣю скрыть, что Шаманъ въ твоемъ и всего міра несчастіи — обвиняетъ твою Высокую Особу . . . . »

«Что онъ дерзаетъ еще клеветать на Царя Сибирскаго, » воскликнулъ съ гнѣвомъ Кучумъ.

«Онъ клянется свѣтомъ и тьмою, огнемъ и водою, землею и небомъ,

Повелитель правовѣрныхъ, что ты увидѣлъ бы всѣ сіи знаменія въ водѣ, на землѣ и на небѣ, если бъ послушался его и не бралъ съ собою кинжала. Остріе булата заключаетъ таинственное привлеченіе злыхъ Шайтановъ и отпираетъ, какъ ключемъ, врата ада, въ который они заключены были его заклинаніями для показанія тебѣ тайнъ судебъ. Тьма преисподней пахнула въ твои очи и онѣ закрылись на вѣки. »

Въ эту минуту взошелъ поспѣшно вѣстникъ и донесъ, что козаки, разбивъ Мурзу Ашика, завладѣли его крѣпкимъ городомъ. — « Козаки на Иртышѣ, » воскликнулъ въ испугѣ Визирь.

Кучумъ грозно подвигся на робкаго своего Вельможу; но, безъ сомнѣнія, неожиданная вѣсть о при-

ближеніи козаковъ, вмѣстѣ съ суевѣріемъ, утвержденнымъ послѣднимъ разсказомъ Визиря и чудесностію событій, умѣрили гнѣвъ его и расположили къ снисходительности. *Послѣ продолжительнаго* совѣщанія съ верховнымъ Министромъ своимъ, онъ согласился наконецъ не только съ честію отпустить Шамана, но и отдать ему прекрасную козачку, за которую Уркунду, именемъ Атамана, обѣщалъ ему безопасность всѣмъ его женамъ, если бъ судьба войны представила ихъ въ руки побѣдителей, и что, какъ мы видѣли выше, привело его въ крайнее раздраженіе.

Добрый Визирь немедленно отправился къ заспѣнку, дабы, какъ можно скорѣе, исхитить бѣднаго Шамана изъ когтей непримиримаго врага его Дервиша, которому

Царь, въ первомъ порывѣ гнѣва, позволилъ выпытать у него тайну его исцѣленія. Хотя истязанія, приводящія нынѣ въ содраганіе самыхъ жестокихъ людей, были свойственны и обыкновенны въ тотъ вѣкъ не только между Азіатцами, но и въ самой Европѣ, и хотя первому Министру Царя народовъ грубыхъ, невѣжественныхъ, полудикихъ, болѣе схожихъ съ звѣрями, чѣмъ съ людьми, доводилось нерѣдко приводить въ исполненіе самые кровавые приговоры; но Визирь ужаснулся при первомъ шагѣ въ застѣнокъ. Это было изображеніе въ лицахъ страшнаго суда, коими бывало расписывались паперти при старинныхъ церквахъ Русскихъ. Тутъ на пылавшемъ кострѣ въ огромномъ котлѣ кипѣла смола, въ которой, обыкновенно, купали узниковъ, въ

случаѣ, если ни одно изъ средствъ, придуманныхъ самымъ адомъ, не могло изторгнуть у нихъ признанія; когда ни желѣзная кровать, на коей вытягивалось человѣческое тѣло на полъаршина длиннѣе обыкновеннаго, ни тиски, кои съ величайшимъ искусствомъ захватывая жилы у ногъ и рукъ, медленно тянули ихъ въ противномъ направленіи, ни спряски, — (для чего обѣ руки преступника близъ ладоней связывались длинною веревкою и онъ поднимался воротомъ къ самому потолку застѣнка, а потомъ вдругъ опускался, отъ чего руки его выходили изъ плечъ и онъ висѣлъ въ семъ мучительномъ положеніи,) — недостаточны были, чтобъ заставить несчастнаго сознаться въ преступленіи, въ которомъ его обвиняли, или сказать то, чего отъ

него требовали. Хладнокровіе палачей, не внимавшихъ стенаніямъ страдальца и равнодушно увеличивавшихъ его муки, уподобляло ихъ жителямъ преисподней, а Дервишъ, который съ злобною радостію готовилъ себѣ продолжительное удовольствіе, взирая на множество орудій пытки и надѣясь на упрямство Уркунду — превосходилъ злостію самаго Веельзевула. Къ счастію, Визирь засталъ еще начало перваго испытанія, которое было бы приступомъ къ дальнѣйшимъ истязаніямъ и состояло, по мнѣнію Дервиша, изъ самаго легкаго опыта. Уркунду крѣпко привязанъ былъ веревками къ деревянному кресту, такъ что не могъ пошевелиться ни однимъ членомъ, а въ это время забивали ему гвозди подъ ногти. Кровь лилась ручьями, су-

дорожныя движенія лица доказывали несперпимую боль несчастнаго, однако ни одно слово, ни одна укоризна не измѣнила его твердости духа. Безъ сомнѣнія съ тѣмъ же равнодушіемъ Шаманъ далъ бы вытянуть себѣ жилы, содрать съ себя кожу, сварить въ котлѣ, но до послѣдняго издыханія не сказалъ бы лжи для своего избавленія. И если ожесточеніе его къ жизни простиралась до такой степени, что онъ не изъявилъ даже большой радости, когда, Визирь именемъ Царя, приказалъ прекратить пытку, то Дервишъ, въ замѣнъ того, былъ въ отчаяніи, что ему не удалось потѣшиться надъ своимъ непріятелемъ.

Однако улыбка удовольствія блеснула и на лицѣ Шамана, когда Таузакъ объявилъ ему, что Царь соизволяетъ на его просьбу и прика-

залъ выдать ему козачку изъ своего Гарема. Въ тоже время онъ всунулъ ему въ руку Ханскій перстень, который служилъ вмѣсто фирмана, знакомъ безусловнаго повиновенія тому, кто его предъявитъ и ключемъ, растворяющимъ самые крѣпкіе, таинственные запворы. Въ особенности это необходимо было въ теперешнемъ случаѣ, ибо Сераль царская давно отправлена была вмѣстѣ съ Царицею Сумбулою въ Абалакъ, лежащій на берегу Иртыша, въ 5-ти верстахъ отъ Искера вверхъ рѣки, съ строгимъ приказаніемъ впускать туда только того, кто покажетъ сей перстень, который рѣдко сходилъ съ царскаго пальца.

Шаманъ, не смотря на разпухнувшіе пальцы правой руки своей,

тотчасъ же пустился въ Абалакъ подъ прикрытіемъ царскаго Евнуха. Кучумъ не могъ избрать мѣста безопаснѣе для укрытія своего драгоцѣннаго залога, какъ сей высокій утесъ, укрѣпленный природою такимъ образомъ, что оно могло почесться неприступнымъ безъ разрушительнаго дѣйствія пушекъ, коимъ не могутъ противиться самыя необоримыя твердыни. Представьте себѣ гранитный столбъ въ 50-ть саженъ вышины, поставленный надъ рѣкою, и столь гладкій, что осаждающій непріятель никакими усиліями или искусствомъ не могъ взобраться и до половины онаго, а осажденные имѣли всю возможность поражать его изъ-за зубцовъ, которыми окружалась верхняя площадка какъ амбразурою,

устроенною рукою хищнаго инженера. Искусство пособило природѣ только проведеніемъ различныхъ сообщеній, обезпечивавшихъ крѣпость въ случаѣ продолжительнаго облежанія оной. Выходы сіи были сдѣланы въ трехъ мѣстахъ: со стороны Искера, отъ рѣки и къ дремучему лѣсу, примыкавшему къ самой стѣнѣ отъ Сѣвера. Малѣйшее движеніе непріятеля не укрывалось отъ осажденныхъ, а они легко могли получать пособіе или оставить крѣпость съ той стороны, гдѣ непріятель безпечнѣе или слабѣе.

Талисманъ скоро отворилъ Шаману желѣзныя врата крѣпости, но не такъ скоро довелъ его до сокровенностей Серали. Выдача Одалиски изъ царскаго Гарема привела въ неописанное изумленіе и волне-

ніе всѣхъ жителей Абалака; ибо лѣтописи цѣлой династіи Кучума, отъ временъ славнаго Шабанъ-Хана, знаменитаго его родоначальника,— не представляли подобнаго примѣра позора и напасти. Дѣвушка, попавшая разъ подъ надзоръ евнуховъ и состарѣвшихся царскихъ наложницъ, освобождалась изъ рукъ ихъ — одною могилою. Правда, Хроники Сибирскаго Двора повѣствуютъ о двухъ или трехъ отставныхъ Одалискахъ, коими угодно было Хану наградить своихъ Вельможъ въ знакъ отличнаго къ нимъ благоволенія!

Но знаете ли, чего я опасаюсь всего болѣе? Боюсь, что многія изъ читательницъ моихъ, хотя бы имъ поклялся я самимъ Пророкомъ Магометомъ, не повѣрятъ мнѣ, что сама Царица Сумбула искренно ста-

ралась удержать Велику въ своемъ Гаремѣ и даже предлагала Шаману кучи золота и серебра, чтобъ онъ отказался отъ своего требованія. Боже мой! Какъ бы захлопотались наши жены, если бъ привелось имъ снаряжать въ дальнюю, невозвратную дорогу своихъ соперницъ. Сколько бы пожертвованій сдѣлали онѣ, чтобъ поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ долой! Но справедливо говоритъ пословица: *что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай!*

Какъ бы то ни было, а повелѣнія Царя должны быть выполнены. Царица рѣшилась сама объявить бѣдной Великѣ, что злою судьбою лишается она счастія быть сто шестнадцатою Одалискою Великаго Царя, и увы! тогда, какъ сіе верховное счастіе было уже неотда-

ленно! Царица полагала, что нужно будетъ уговаривать и ушѣшать бѣдную козачку; но сколь велико было ея изумленіе, когда она не услышала ни воплей отчаянія, ни рыданій, а замѣтила улыбку радости, которая блеснула на прелестномъ лицѣ узницы тогда, какъ она думала поразить ее ужаснымъ ударомъ! Сумбула столь оскорбилась низкими чувствами козачки, что приказала немедленно удалить ее съ глазъ своихъ.

Велика долго не хотѣла вѣрить своей свободѣ; долго слова о избавленіи своемъ считала грѣзою; ибо она безпрерывно слышала, что никакая человѣческая сила не въ состояніи изторгнуть ея изъ-за крѣпкихъ затворовъ Царскаго Гарема, что ничто не можетъ измѣнить

ея предопредѣленія. . . . Несчастная! рѣшилась положить на себя руки, когда бъ жестокіе приставы не пронулись ея слезами и моленіями. . . . Близокъ былъ часъ сей: одна только отсылка женъ изъ Искера, отдалила оный. *Уже* каждый день наряжали Велику въ новыя парчевыя платья, каждый день подносили ей на золотыхъ блюдахъ новыя ожерелья, пониски, запястья изъ крупнаго Индѣйскаго жемчугу и драгоцѣнныхъ каменьевъ, сундуки ея наполнялись серебряными рукомойниками, лаханями и ларцами — а она все болѣе и болѣе плакала! Не даромъ говорится пословица: ***и трезъ золото слезы льются.*** Велика осталась теперь безъ ничего; гнѣвная Самбула приказала отобрать у нее всѣ ея сокровища, — а она была

счастлива, она блаженствовала, какъ пташка, вырвавшаяся изъ золотой клѣтки.

Сколь ни бѣдна была одежда Велики, въ которой отпустили ее изъ пышнаго *заточенія; однако* Уркунду нашелъ ее еще слишкомъ богатою и неспособною для путешествія по лѣсамъ и болотамъ, а досталъ ей простое Остяцкое платье; но Велика и подъ безобразною одеждою Остячки, была райскимъ существомъ и въ широкомъ мѣховомъ мѣшкѣ, какъ Душенька въ сарафанѣ — она поразала бы красотою своею всякаго, кромѣ Уркунду — слишкомъ равнодушнаго къ женскимъ прелестямъ. Вѣроятно однако, и онъ замѣтилъ, что опушка изъ черныхъ соболей, коими обложена была ея шапка, слишкомъ отражала бѣлизну лица ея, ибо

велѣлъ ей опустить на глаза занавѣску или покрывало, пришиваемое обыкновенно Остячками сзади къ паркѣ, въ родѣ капишона, а каштановыя косы ея, отливавшіяся бархатомъ, прикрыть сукоными полосгями. Къ счастію Шаманъ не болѣе разумѣлъ о прелести женской ножки, иначе онъ велѣлъ бы снять Великѣ свѣтло-голубые пѣсцовые чулки, которые обрисовывали ножку, выточенную Граціями, а обулъ бы ее въ Вогульскія берестяныя лапти.

Читатель видѣлъ на опытѣ необыкновенную смѣтливость, проворство и усердіе Шамана, а потому можешъ быть покоенъ, оставляя Велику подъ защитою столь опытнаго путеводителя, хотя, правду сказать, имъ предстояли труды

неимовѣрные, опасности чрезвычайныя для достиженія цѣли своего путешествія.

ГЛАВА II.

Козаки постятся 40. дней. — *Ермакъ ведетъ ихъ* къ Засѣкѣ. — Кровопролитіе. — Опасность. Неожиданная перемѣна. — Побѣда. — Бѣгство Кучума. — Гроза пропалъ. — Догадки. — Узники. — Торжественный входъ побѣдителей въ столицу Сибирскаго Царства. — Взглядъ на оную. — Сокровища, тамъ найденныя. — Необыкновенная роскошь Кучумова Гарема. — Неприступное положеніе Искера.

Мы видѣли изъ предъидущей главы, что Ермакъ, завладѣвъ крѣпкимъ острогомъ Мурзы Ашика, поставилъ шѣмъ ногу на Иртышъ. Но вотъ уже съ тѣхъ поръ прошло шесть недѣль, а онъ не двигается съ мѣста, между тѣмъ какъ Кучумъ обвель двойнымъ валомъ свою сто-

лицу, собралъ войско изо всѣхъ улусовъ, выслалъ племянника Мамет-кула въ поле съ многочисленною конницею, а самъ, съ двумя огромными пищалями, засѣлъ на Чувашскомъ мысу. Казалось непоняпнымъ, почему Ермакъ, доселѣ предпріимчивый, дальновидный — медленностію своею допустилъ непріятеля принять столь грозныя противу себя мѣры, почему онъ не грянулъ на Кучума тотчасъ по взятіи Атика, когда безпрерывныя побѣды, низпроверженіе всѣхъ препонъ, поставленныхъ самою природою, наводили страхъ на Сибирскіе народы, представляя козаковъ существами сверхъестественными?

Широкими шагами ходилъ Ермакъ по пространной землянкѣ своей въ глубокой задумчивости, и тихо говорилъ что-то, какъ будто бесѣдуя

съ собственною своею тѣнью, которая отъ пылавшаго по срединѣ въ чувалѣ огня, рисовала другое движущееся существо, когда вошелъ къ нему сторожевый козакъ и донесъ, что ночной обходъ взялъ двухъ Остяковъ, *пробиравшихся по оврагу.*

«Отвесть къ Мещеряку,» сказалъ въ разсѣянности Ермакъ и продолжалъ ходить, углубляясь еще болѣе и болѣе въ думу. Но мало по малу сталъ говорить громче: да! должно ихъ допросить, можетъ быть это лазутчики; — никогда не требовалось болѣе осторожности.... Мещерякъ добьется толку, хотъ будь они каменные. Вотъ къ чему нужны и злодѣи.... Доселѣ бы я не вѣрилъ храброму моему Кольцу, что онъ совершенный злодѣй, если бъ злые люди не были предателями. Спасибо, право, Есаулу Самусю,

онъ открылъ мнѣ глаза на счетъ своего закадычнаго друга. Я своими собственными ушами слышалъ, какъ сей измѣнникъ возмущалъ слабые умы къ неповиновенію, какъ уговаривалъ ихъ воротиться на Донъ — когда уже мы стоимъ на Иртышѣ! Я могъ бы, я долженъ бы тотчасъ его повѣсить, но нѣтъ, нужно еще его потерпѣть. — Злодѣи опасны, когда ихъ не знаютъ. . . . »

При этомъ словѣ раздался звонъ благовѣста. « Слава Богу, » сказалъ Атаманъ, перекрестясь — « вотъ и призывъ къ великому дѣлу. »

Когда Ермакъ вошелъ въ часовню, она уже были полна козаками, съ благоговѣніемъ ожидавшими начатія Божественной службы. Послѣ заутрени слѣдовала тотчасъ обѣдня, за которою всѣ до единаго сподобились святаго причастія. Всякій

Христіанинъ испыталъ на себѣ, сколь неисповѣдимое таинство сіе оживляетъ упадшій духъ и изнуренныя силы тѣлесныя. Тяжкое бремя грѣховъ, спадая какъ камень отъ сердца, располагаетъ человѣка къ высокимъ предпріятіямъ. Ермакъ не упустилъ воспользоваться сею святою минутою; облобызавъ всѣхъ, онъ обратилъ рѣчь:

« Товарищи, друзья, братія!

« Сорокодневнымъ постомъ и молитвою возстановивъ силы наши тѣлесныя и душевныя, мы тщились возблагодарить Господа за побѣды, водрузившія знамена наши на берегихъ Ирпыша, за утвержденіе умовъ слабыхъ и шаткихъ въ истинѣ, что еще не настало время думать намъ о возвращеніи на родину. Нѣтъ! братія, мы не возвратимся въ Россію съ пятномъ клятвопреступни-

ковъ, смиримъ Кучума или умремъ завидною смертію вѣрныхъ сыновъ отечества. Теперь настало желанное время: Кучумъ собралъ всѣ силы свои; мы разобьемъ не отдѣльнаго Мурзу — а *цѣлое царство*. Богъ не рѣдко даетъ побѣду слабымъ мимо сильныхъ, да святится имя Его.»

Дружина воскликнула *аминь*! и съ первыми лучами солнца устремились къ Засѣкѣ, восклицая: *съ нами Богъ!* Непріятель съ возвышенія осыпалъ храбрецовъ стрѣлами и копьями, но видя, что это не остановило ихъ, двинулъ безчисленную конницу подъ начальствомъ Мамешкула. Ермакъ зналъ, что весьма важно выдержать первый напискъ Татарскихъ наѣздниковъ, а еще важнѣе отразить ихъ, когда послѣ сего они молніею разсыпаются и являются неожиданно съ тыла и съ

боковъ, а потому онъ измѣнилъ строй своего воинства при первомъ движеніи Маметкула, который съ ужаснымъ ревомъ, какъ грозная туча, поднялся съ пригорка и несся вотоптать въ землю горсть дерзкихъ смѣльчаковъ. Козаки, безтрепетно допустивъ его на самое близкое разстояніе, встрѣтили дружнымъ залпомъ. Убійственный ударъ произвелъ самое счастливое дѣйствіе: дикія лошади, устрашенныя громомъ и дымомъ, поражены были такимъ страхомъ, что вышли изъ повиновенія у своихъ всадниковъ и закусивъ удила, помчались съ ними назадъ. Маметкулъ, казалось, однако ожидалъ сего бѣдствія; ибо въ тоже самое мгновеніе обскакивалъ непріятеля съ свѣжимъ многочисленнымъ отрядомъ, не полагая, что тамъ готовъ былъ ему подобный пріемъ.

Уже козаки надѣялись скоро отразить Татарскую конницу, какъ вдругъ изъ Засѣки, подобно бурнымъ потокамъ, хлынули толпы отборнѣйшихъ Кучумовыхъ ратниковъ, которые въ *изступленіи* кинулись на малочисленныхъ Русскихъ витязей съ саблями и кинжалами. Тутъ Ермакъ показалъ все знаніе воинскаго дѣла и удивительную распорядительность. Онъ двигалъ стройными рядами своихъ воиновъ съ такимъ искусствомъ, что въ тоже время, какъ передніе рѣзались, задніе успѣвали заряжать свои пищали и рѣдить густыя толпы непріятельскія мѣткими выстрѣлами. Кровь лилась рѣкою, люди падали съ обѣихъ сторонъ, и хотя Татары теряли въ десятеро болѣе, но новыя кучи замѣняли убылыя, козаки же все слабѣли. Слѣпой Кучумъ, стоя на

горѣ съ Имамами и Муллами, безпрерывно высылалъ изъ прехъ проломовъ свѣжія войска, поощряя ихъ именемъ Магомета къ спасенію правовѣрныхъ. Ермакъ именемъ Бога заклиналъ свою дружину умереть, а не уступить варварамъ. Онъ еще надѣялся удержать побѣду или по крайней мѣрѣ утомить непріятеля, подобно, какъ то случилось не задолго до взятія Атика, но наблюдая орлинымъ глазомъ своимъ малѣйшія движенія съ обѣихъ сторонъ, онъ замѣтихъ вдали небольшое облако пыли; чрезъ минуту облачко прояснилось и Ермакъ видитъ, что Маметкулъ, собравъ бѣглецовъ своихъ, вихремъ летитъ на козаковъ съ тыла. Ударъ сей могъ быть пагубенъ для изнуренныхъ его воиновъ; но въ туже минуту усматриваетъ онъ, что какой-то всад-

никъ, подскакавшій съ другой стороны, преграждаетъ путь Татарскому вождю и низвергаетъ его съ борзаго коня.... Болѣе ничего не могъ онъ различишь, однако смятеніе, пыль и вопли, раздавшіеся въ Татарскомъ войскѣ, удостовѣрили его, что случилось тамъ нѣчто чрезвычайное, и онъ, чтобъ обратить сіе въ свою пользу, отрядилъ туда Кольца съ полсотнею удальцовъ, приказавъ однако не далеко отъ себя удаляться. Въ слѣдъ за симъ съ быстротою молніи пронесся слухъ, что храбрый Маметкулъ смертельно раненъ, и увезенъ Мурзами въ лодкѣ на другую сторону Ирпыша. Войско безъ предводителя дрогнуло: Князья Остяцкіе дали тылъ, бѣжали и Татары.

Ермакъ воспользовался сею счастливою перемѣною, какъ великій Пол-

ководецъ. Не смотря на чрезвычайную усталость и умаленіе своихъ воиновъ — онъ повелъ ихъ на приступъ къ Засѣкѣ и успѣлъ еще съ послѣдними лучами закатающагося солнца — водрузить свои знамена на вершинѣ неприступной Чувашской горы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько часовъ, гордый Кучумъ, окруженный сонмомъ Мурзъ, Тархановъ, Князей и тѣлохранителей и огражденный двумя огромными пищалями, считалъ себя непобѣдимымъ.

Первымъ дѣломъ Христіанъ-воиновъ было возблагодарить Господа за явное къ себѣ милосердіе: они тотчасъ же отслужили молебенъ. Но сколь ни рѣшительна была сія побѣда, сколь ни требовали изнуренныя силы ихъ отдохновенія, однако они во всю ночь не смыкали

глазъ, опасаясь нападенія (*). Утреннее солнышко принесло нѣкоторую отраду: козаки увидѣли вокругъ себя совершенную тишину и пустошу; тоже самое донесли и посланные во всѣ страны лазутчики. Болѣе же всего порадовало Ермака извѣстіе, что оставленная въ Атикѣ тяжелая артиллерія на судахъ со всѣмъ обозомъ и сокровищами, купленными толикою кровію и трудами, находились въ совершенной цѣлости, хотя правду сказать, онъ крѣпко надѣялся, что Атаманъ Гроза, коему поручено было сіе опасное дѣло съ полусотнею охотниковъ, выбранныхъ изъ всей дружины, отра-

---

(*) 107 Козаковъ, падшихъ на кровопролитной, рѣшительной битвѣ сей, доселѣ поминаются ежегодно въ первое воскресніе великаго поста въ Тобольскомъ Соборѣ.

зитъ цѣлыя полчища варваровъ и продержится нѣсколько дней даже отъ цѣлой Кучумовой силы. Тотчасъ же отправлено было достаточное число людей для доставленія судовъ со всѣмъ имуществомъ изъ Атика къ Чувашскому мысу, который Ермакъ находилъ еще крѣпче перваго.

Наблюдая строго мѣры осторожности, Ермакъ приказалъ остальнымъ козакамъ предаться отдохновенію, дабы ночью опять бодрствовать. Къ вечеру пришли благополучно и всѣ лодки изъ Атика, только крайне всѣхъ огорчило извѣстіе, что храбрый Гроза пропалъ безъ вѣсти. Атаманъ не полагая, чтобъ Гроза, примѣрный исполнитель своихъ обязанностей, рѣшился оставить постъ свой, коего зналъ онъ всю важность, относилъ пропажу его къ тайному убійству; но

Кольцо утверждалъ, что у другаихъ, какъ онъ самъ знаетъ, не было ни одного врага, что всѣ его любили за доброту сердца, услужливость и отвагу.—«Ты давича сказалъ, продолжалъ онъ, что видѣлъ, какъ Мамешкула сшибъ съ коня, наскакавшій со стороны наѣздникъ. Ужъ не Гроза ли это? По бурной душѣ и предпріимчивости нашего друга дѣло статочное.»

«Между нами будь сказано, отвѣчалъ Ермакъ, мнѣ самому не разъ приходило это на мысль; скажу признательно, даже по ухваткѣ этаго головорѣза, померещилось, будто вижу Грозу. Знаю, что онъ пожалуй не задумался бы одинъ напасть на Царевича посреди его рати; но гдѣ ему достать коня, и отъ чего ему пришло въ голову такое безуміе... Воля твоя — черезъ чуръ мудрено...

И Атаманы общимъ совѣтомъ стали придумывать о средствахъ найти слѣды пропадшаго товарища. Въ это время представили имъ двухъ Остяковъ, пойманныхъ ночью, какъ мы видѣли выше, въ Атикѣ, на канунѣ битвы, которыхъ Мещерякъ заперъ въ глубокій погребъ. Разумѣется, что всѣ узнали въ старшемъ изъ узниковъ Шамана Уркунду, а о младшемъ извѣстились уже отъ сего послѣдняго. Горе и труды измѣнили до того черты прекрасной Велики, что никто не отгадалъ бы въ ея длинномъ, блѣдномъ лицѣ, пухлыхъ, румяныхъ щечекъ дочери Атамана Луковки, бывшей украшеніемъ и дивомъ цѣлаго Дона! Со всѣмъ тѣмъ Ермакъ чрезвычайно былъ радъ чудному ея избавленію и сожалѣлъ только, что радость сію не могъ сообщить бѣдному Грозѣ, о которомъ

приказалъ сказывать Великѣ, что онъ отправленъ съ отрядомъ въ походъ. Но Уркунду кой часъ узналъ о истинной причинѣ пропажи своего друга, що, не сказавъ никому ни одного слова, не простившись даже съ Великою, исчезъ изъ лагеря.

Въ двои сутки козаки собрались нѣсколько съ силами. Ермакъ чувствовалъ, что одержанная ими рѣшительная побѣда принесетъ плоды свои только тогда, когда займутъ они столицу Царства Сибирскаго, безъ чего гибель ихъ, не смотря на всѣ успѣхи, неизбѣжна. Рѣки покрывались уже льдами, глубокіе снѣги скоро нанесутъ голодную смерть, если онъ оставитъ вокругъ себя врага сильнаго. И такъ, 26-го Октября съ разсвѣтомъ дня Ермакъ повелъ дружину свою къ столицѣ Кучума — съ рѣшимостію по-

бѣдить или умереть подъ стѣнами ея. Не встрѣчая нигдѣ непріятеля, козаки сдѣлались еще осторожнѣе, полагая въ каждомъ оврагѣ, за каждымъ камнемъ или лѣскомъ найти сильную засаду. Но вотъ уже спустились они въ первый ровъ, ожидая тучи стрѣлъ, которыя покроютъ ихъ; подымаются и на валъ, а не видятъ никакого сопротивленія; съ обнаженными мечами и зажженными фитилями проходятъ и другой ровъ безъ малѣйшей встрѣчи. На второмъ валу Ермакъ велѣлъ остановиться и вызвалъ охотниковъ для освидѣтельствованія крѣпости. Явилось ихъ столько, что Атаманъ долженъ былъ половину оставить. Ермакъ все еще опасался обмана со стороны непріятеля, боялся, что онъ заманиваетъ его въ какую нибудь тѣснину. Уже онъ раскаивался, что

упустиль Шамана, который теперь могъ быть всѣхъ полезнѣе, какъ возвратившіеся осмотрщики единогласно донесли, что въ цѣломъ городѣ не нашли живой души. Удивленіе скоро уступило мѣсто безпредѣльной радости: завоеватели бросились обнимать другъ друга, поздравляли одинъ другаго съ окончаніемъ всѣхъ бѣдствій, съ сохраненіемъ жизни, которую думали положить здѣсь, и построясь въ грозные ряды,— съ распущенными хоругвями, при звукахъ трубъ и литавръ — заняли столицу Сибирскаго Царства. Но, не входя въ домы, не позволяя себѣ ни малѣйшаго любопытства, они отправили прежде всего благодарственный молебенъ съ пальбою изъ всѣхъ, бывшихъ при нихъ пушекъ и пищалей.

Сокровища, найденныя побѣдителями въ разныхъ мѣстахъ и видахъ,

удостовѣрили достаточно, что Кучумъ оставилъ свою столицу съ величайшею поспѣшностію, забравъ только самое драгоцѣнное и легкое. Видно было, что страхъ жителей Искера *до того простирался*, что они единственно думали о спасеніи своихъ семействъ, полагая, что побѣдители слѣдуютъ за ними по пятамъ.

Золото, серебро, Индѣйскія парчи, драгоцѣнные камни и мѣха, Ермакъ приказалъ снести въ одно мѣсто, дабы по-братски раздѣлить, взявъ и себѣ ровную со всѣми часть. Съѣстные припасы, коихъ найдено также великое множество, собраны были вмѣстѣ и отданы Есаулу Брязгу для общественнаго употребленія.

Хотя зданія Искера не имѣли даже характера нынѣшней Азіатской архитектуры и состояли большею

частію изъ деревянныхъ избъ или мазанокъ, покрытыхъ дерномъ, равномѣрно и внутреннее расположеніе палатъ богатѣйшихъ Мурзъ, нашелъ бы весьма тѣснымъ и неудобнымъ даже зажиточный селянинъ Русской; но козакамъ, столько времени не вкушавшимъ сладостей осѣдлой жизни, подобно тому, какъ побѣдоносная Гвардія Русская, возвращаясь изъ Турецкаго похода, мечтаетъ объ отдохновеніи въ дымныхъ хатахъ Подольскихъ, — показались они и великолѣпными и покойными. Въ особенности узорчатые войлоки и мягкіе ковры, составлявшіе, впрочемъ, главное или даже единственное убранство домовъ Татарскихъ, были для нихъ предметомъ величайшей нѣги. Дворецъ царскій выстроенъ былъ по образцу Хивинскаго зодчествa изъ большихъ плитъ сыраго кирпича,

и отличался отъ другихъ строеній единственно обширностію своего гарема, гдѣ козаки были поражены роскошью, доселѣ неслыханною и невиданною, роскошью, которая въ холодной Сибири врядъ ли не заключала въ себѣ столько же прелестей, сколько прохладные фонтаны имѣютъ на знойныхъ пескахъ Африки, которая, наконецъ, свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ сими послѣдними о превосходствѣ Магометанъ предъ Европейцами въ изобрѣтеніи нѣги, — согласной съ климатомъ и ближайшей къ природѣ.

Какъ не пожалѣешь послѣ этого, что какой нибудь Ахунъ или Мулла не оставилъ намъ подробной хроники объ обыкновеніяхъ двора Царя Сибирскаго, объ обычаяхъ, въ то время существовавшихъ, о модахъ — допускавшихъ и слѣпыхъ подражате-

лей онымъ доживать до глубокой старости. Мы увидѣли бы, конечно, что въ Искерѣ или Абалакѣ не было строеній схожихъ съ Багдатскими или Цареградскими, подобно тому, какъ у насъ нѣперь въ Архангельскѣ и Астрахани архитекторы выдаютъ обывателямъ планы на домы одного размѣра и фасада, между тѣмъ какъ въ первомъ должно вооружаться противу морозовъ, а въ другомъ изыскивать средства къ прохладѣ, и отъ того въ обоихъ страждутъ жители. Мы увидѣли бы, можетъ быть, что щеголи Искерскіе не гуляли по 30 градусному морозу съ откръпою грудью, подражая жителямъ счастливой Аравіи и не нагуливали себѣ чахотки, а женщины не стягивали безжалостно своихъ талій, хотя по сосѣдству жительницы Китая сжимали, какъ и нынѣ,

свои ножки. Мы увидѣли бы..... Но пора кончить неимовѣрныя преданія, поспѣшимъ удовлетворить любопытство милыхъ чтительницъ модъ чужестранныхъ, которыя, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ желаютъ узнать о роскоши гаремовъ Царя Сибирскаго, поразившей козаковъ, дабы имѣть время убрать, подобно имъ, на зиму свои Петербургскіе и Московскіе бодуары. Да! сударыни, прикажите поскорѣе разрушить стѣны вашихъ кабинетовъ подъ фальшивый мраморъ, увеличивающій лихорадку въ продолженіи 12-ти мѣсячной бѣлой и зеленой зимы нашей, и обейте стѣны *черными соболями*, коими была убрана внутренность минаретовъ Кучумова гарема.(*) Вотъ истинно была бы роскошь

(*) И теперь юрты кочующихъ звѣролововъ въ Сибири обиваются внутри кожами

Русская, которую, право, не худо ввести въ моду и для того, чтобъ раззорить нѣсколькихъ Лордовъ и Бароновъ, захотѣвшихъ подражать намъ — какъ мы раззоряемся изъ подражанія имъ!

Покорители Искера не предались однако бездѣйствію и нѣгѣ, на которыя призывали ихъ удобства новыхъ жилищъ и изобиліе продовольствія. Нѣтъ! Ермакъ Тимофеевичь, показавшій братство и равенство при раздѣлѣ добычи, вступилъ тотчасъ же послѣ сего въ права начальника строгаго, не имѣющаго ничего общаго съ своими подчиненными. Немедленно приказалъ онъ собрать

пушныхъ звѣрей, правда, не соболями и лисицами, которыхъ, во первыхъ, очень уменшилось противу прежняго, во вторыхъ — ими платится ясакъ.

шѣла убитыхъ на послѣднемъ побоищѣ у засѣки, какъ своихъ, такъ и непріятелей, которыхъ не успѣли они увезти съ собою, и на другой день съ честію предать землѣ на Сауксанскомъ мысу, гдѣ было древнее кладбище Хановъ, отслушавъ панихиду по убіеннымъ брапіямъ. (*) Потомъ занялся приведеніемъ въ лучшее оборонительное положеніе новой своей столицы, хотя она почиталась неприступною, защищаясь съ двухъ сторонъ крутыми берегами Иртыша, съ третьей не менѣе глубокимъ рвомъ, по которому текла рѣчка Сибирка, а съ послѣдней, составившей изъ отлогости, тройнымъ валомъ и рвомъ. Огородивъ слабыя

(*) Доселѣ собираются сюда Татары въ Сентябрѣ и Маѣ для поминовенія правовѣрныхъ, положившихъ головы свои за Искеръ.

мѣста крѣпкими палисадами и поставивъ на нихъ огнестрѣльныя свои орудія, а на спускахъ во рвы устроивъ, по образцу Каргедана, подъемные мосты и вѣстовыя башни, Ермакъ считалъ себя совершенно обезпеченнымъ отъ нападенія Кучума, хотя бъ сей послѣдній подвигъ на него всю Сибирь; а самъ могъ съ большею удобностію распространять свои завоеванія по всѣмъ направленіямъ.

ГЛАВА III.

Остяки, Вогуличи и Татары просятъ милости и покровительства у побѣдителей. — Присяга въ вѣрности, по ихъ обычаю. — Новая услуга Уркунду. — Ермакъ обладатель обширнаго Царства. — Взглядъ на первоначальные его подвиги въ Сибири. — Усмиреніе возмущеній. — Преодолѣніе препонъ, поставляемыхъ природою.

30-го Октября, — чрезъ четыре дни по завладѣніи Искера козаками, явился предъ врагами онаго Остяцкій Князь Боаръ съ многочисленною толпою народа. Они принесли побѣдителямъ дары и запасы, и просили милосердія и покровительства. Разумѣется, что козаки при-

няли ихъ сколь возможно дружелюбнѣе и ласковѣе, желая привѣтливостію привлечь и прочія кочующія племена дикарей Сибирскихъ.

Остяцкій Князь, бывъ средняго роста, почитался великаномъ и богатыремъ между соплеменными народами отъ береговъ Тобола до Оби и Ледовитаго моря. Онъ имѣлъ лице плоское и желтоватое, густые русые волосы на головѣ и нѣсколько рѣдкихъ рыжихъ прядокъ вмѣсто бороды. Одежда его отъ прочихъ Остяковъ отличалась собольимъ мѣшкомъ, который служилъ ему вмѣсто рубашки, и шапкою изъ бурыхъ лисицъ. Но и сквозь сіи драгоцѣнные покровы являлась самая отвратительная нечистота. Сверхъ этого мѣшка надѣта была кожаная парка вмѣсто, кафтана.

Ермакъ приказалъ приготовить для дорогихъ гостей богатое угощеніе, а Боара пригласилъ къ своему Атаманскому обѣду. Когда Князь накушался Сибирскихъ щей изъ сараны съ оленьимъ мясомъ и жирной ушицы, приправленныхъ солью, составлявшею величайшее для нихъ лакомство, до того, что жиръ вмѣсто поту выступилъ у него на лбу и на щекахъ, — то сдѣлался смѣлѣе и говорливѣе.

«Мы тебя боялись пуще Луса,» сказалъ Боаръ, обращаясь къ Ермаку.

«Да, Князь,» отвѣчалъ сей послѣдній, «мы страшны врагамъ нашимъ, а покорнымъ людямъ худа не дѣлаемъ.»

«Татары настращали насъ,» продолжалъ Боаръ, «будто вы при-

шли съ полудня выѣсть всё полуночное царство.»

«Хотя бы мы въ десятеро болѣе вашего ѣли,» замѣтилъ Ашаманъ съ усмѣшкою, «то во сто лѣтъ не вычерпали бы рыбъ изъ вашихъ рѣкъ, а изъ лѣсовъ не выловили бы птицъ и звѣрей. Всего бы еще вдоволь осталось вамъ и послѣ насъ.»

«То бы такъ,» отвѣчалъ Князецъ, «да вишь они насказали, что вы глотаете не звѣрей, не рыбъ, не птицъ, а людей, и что тащите съ собою желѣзныя печи, которыми издалече печете вдругъ по нѣскольку человѣкъ. . . .»

Это извѣстіе крайне всѣхъ позабавило.

«Да кто же это добрый человѣкъ, который разтолковалъ вамъ, что Татары васъ обманываютъ и что мы не только не людоѣды, да не

ѣдимъ и стервятины, которую они, прокляпые, трескаютъ,» спросилъ его Ермакъ.

«Правда твоя, Ханъ,» подхватилъ онъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ, «онъ добрый человѣкъ, очень добрый человѣкъ и большой разумникъ. Пичебами сдѣлалъ намъ много добра, и не только мы, но и жены наши, и дѣти, и собаки обрадовались ему, какъ красному солнышку. Мы ему вѣримъ не хуже ***Иннень Пома.***»

«Видно онъ насъ хорошо знаетъ.» сказалъ Атаманъ.

«Хорошо, Ханъ, очень хорошо,» отвѣчалъ Боаръ. «Много объ васъ добраго говоритъ....»

«Кто же этотъ Пичебами,» сказалъ Ермакъ, обращаясь къ Атаманамъ. «Не помнитъ ли его кто изъ васъ, а я, право, забылъ.»

«Пичебами называютъ Остяки

своихъ Шамановъ, » замѣтилъ Мещерякъ.

« Ну такъ это вѣрно нашъ пріятель Уркунду, » перебилъ Ермакъ.

« Уркунду, Уркунду, » воскликнулъ Князецъ.

« Что жъ онъ у васъ дѣлаетъ, за чѣмъ онъ у васъ остался?» спросилъ съ поспѣшностію Атаманъ.

« Онъ привелъ съ собою вашего молодаго Хана, да такого худаго и хвораго, что пошевельнуться не можетъ. »

« Объ закладъ ударюсь, что Уркунду отыскалъ бѣднаго Грозу нашего,» сказалъ съ живостію Атаманъ Кольцо. «Позволь мнѣ, Ермакъ Тимофеевичь, сходить повидаться съ нимъ. »

«Поди пожалуй,» отвѣчалъ Ермакъ, «только съ тѣмъ, чтобъ постараться перенесть его сюда. Въ нашихъ

новыхъ хатахъ будетъ ему теплѣе и покойнѣе, чѣмъ въ Остяшской карѣ. »

Отпуская Остяковъ во-свояси, Ермакъ обложилъ ихъ легкою данью и приказалъ имъ принесть кляпву въ вѣрности и послушаніи. Чтобъ сдѣлать сію церемонію сколь можно торжественнѣе, примѣняясь впрочемъ къ ихъ обычаямъ, — собраны были всѣ козаки въ кружокъ на площадкѣ, посрединѣ которой разостлали медвѣжью шкуру и положили на нее топоръ съ кускомъ сухаря. Присягавшій входилъ на кожу и произносилъ слѣдующую кляпву: *если я измѣню, то пусть разтерзаетъ меня медвѣдь, убьетъ топоръ и задушитъ первый кусокъ, который отпущу въ горло.* Надобно замѣтить, что Остяки доселѣ воздаютъ симъ страшнымъ царямъ дремучихъ лѣ-

совъ своихъ родъ богопочитанія. Убивъ медвѣдя, они поютъ ему извинительныя пѣсни, а содравъ съ него шкуру, низко кланяются и благодарятъ, что онъ позволилъ снять съ себя шубу.

Черезъ нѣсколько дней явилось и множество Тапаръ съ женами и дѣтьми, коихъ Ермакъ также обласкалъ, успокоилъ и отпустилъ въ ихъ прежнія юрты, обложивъ посильнымъ ясакомъ. Присягу въ вѣрности они также сообразно своему обычаю—цѣлованіемъ сабли, обагренной кровію. Честное преданіе козаками землѣ убитыхъ ихъ братій, на мѣстѣ, священномъ для всякаго Магометанина, и великодушное освобожденіе Ермакомъ, въ слѣдствіе даннаго имъ слова чрезъ Уркунду, женъ Кучумовыхъ, которыхъ захватилъ отрядъ коза-

ковъ, посланныхъ для преслѣдованія непріятеля по взятіи Искера, привлекло сердца Мусульманъ къ своимъ побѣдителямъ.

И такъ, бывшій не задолго Атаманъ разбойниковъ, содѣлался обладателемъ обширнаго, богатаго царства. Хотя достаточно узнать однѣ послѣднія дѣйствія Ермака Тимофеевича, дабы получить понятіе о его правахъ на званіе Героя Исторіи; но для связи повѣствованія, покажемъ, что тоже мужество, таже предпріимчивость и благоразуміе ознаменовали и первые шаги его въ Сибирѣ.

Мы оставили козаковъ зимовать въ Кокуѣ. Благотворенія Сибирской весны начинаются настомъ, коимъ покрываются пухлые снѣги, какъ крѣпкою корою, отъ дѣйствія Мартовскаго солнца. Кора сія подъ ко-

нецъ весны дѣлается столь твердою, что въ состоянiи подымать не только человѣка или лошадь, но самыя большiя тяжести. Это не укрылось отъ прозорливости Ермака Тимофеевича: онъ хотѣлъ воспользоваться симъ удобствомъ, чтобъ перетащить въ черныя рѣки (*), черезъ хребетъ Урала, тяжелыя свои ладьи, а можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ ли онъ дать занятiе дружинѣ своей, для коей бездѣйствiе было вреднѣе самыхъ тяжкихъ трудовъ?

Весело принялись козаки за столь отважное дѣло. Глубокiе овраги, дремучiе лѣса, самыя горы уступали мочной рукѣ богатырей Рус-

---

(*) Черными рѣками называются тѣ, которыя текутъ въ Сибирь, т. е. на востокъ изъ хребта Уральскаго.

скихъ. Удивительно, неимовѣрно кажется и теперь, при всѣхъ успѣхахъ Механики, какъ возможно было выполнить столь дерзкое предпріятіе: днища нѣсколькихъ судовъ, оставленныхъ козаками на дорогѣ между Серебрянкою и Бараніею, представляются то висящими на неприступныхъ утесахъ, то едва выказывающими изъ глубины пропастей вершины вѣковыхъ лиственницъ и елей, выросшихъ на ихъ согнившихъ остовахъ.! Впрочемъ удивленіе сіе умаляется, когда вспомнимъ, что громады сіи перевозились по насту, которымъ ровняются глубокіе овраги, а крутизны дѣлаются приступнѣе, и съ помощію коего безъ сомнѣнія Ермакъ достигъ бы желаннаго успѣха, еслибъ слишкомъ ранняя весна не испровергла его усилій. Врядъ ли былъ

другой примѣръ въ лѣтописяхъ Сибири, чтобъ въ Апрѣлѣ рыхнули снѣги и полились быстрыя рѣки съ горъ. Ермакъ вынужденнымъ нашелся оставить свое гигантское предпріятіе и перейдя на рѣку Журавля, принялся строить новыя суда, болѣе схожія съ плотами.

Съ первою, такъ сказать, весеннею струею козаки внеслись въ царство Сибирское. Безпрепятственно промчались они по быстрому Тагилу и войдя въ Туру, не видали непріятеля; но Ермакъ отдалъ приказъ быть въ готовности: ему дано было знать, что не вдалекѣ предстанетъ необходимость обнажить мечь свой — на высокомъ берегу рѣки стоялъ городокъ Князя Епанчи, который защищаемъ былъ великимъ множествомъ Татаръ и

Вогуличей. И дѣйствительно, едва приближились козаки къ берегу, какъ были встрѣчены тучею стрѣлъ. Ермакъ приказалъ тремъ лодкамъ, на которыхъ находились пушки, вспять рядомъ и сильнымъ залпомъ отвѣчать на привѣтствіе Епанчи. Неожиданный громъ привелъ въ страхъ и трепетъ дикарей: они покидали свое оружіе и обратились въ бѣгство. Послѣ сего Ермаку стоило небольшаго труда занять городокъ и разорить его до основанія — въ урокъ напраснаго сопротивленія. Не смотря на то, нѣсколько Татарскихъ Мурзъ напали на козаковъ при устьѣ Туры и бились нѣсколько дней съ отчаяніемъ, но должны были уступить искусству и счастію нашихъ витязей, кои получили при томъ столь много добычи, что

вынужденными нашлись половину оной зарыть въ землю. Третьимъ и четвертымъ боями, не менѣе кровопролитными, Ермакъ проложилъ себѣ путь по Тоболу, гдѣ Татары, воспользуясь узкостію рѣки и возвышенностію береговъ ея, думали не только остановить козаковъ, но совершенно истребить ихъ. Въ послѣднемъ изъ сихъ-то сраженій Ермакъ употребилъ, какъ мы видѣли выше, воинскую хитрость, которая совершенно ему удалась: онъ пустилъ по теченію рѣки плоты свои съ чучелами, а самъ, вышедъ на берегъ, внезапно — какъ снѣгъ на голову, напалъ съ тылу на непріятеля и обратилъ его въ бѣгство. Послѣ сего едва отошелъ Ермакъ 30-ть верстъ отъ устья Тавды, какъ встрѣтилъ Мегметъ-Кула, сторожившаго его съ многочислен-

ною силою по обоимъ берегамъ. Пять дней побѣда колебалась, на шестой Тапары вынуждены были дать козакамъ свободный путь и не смѣли даже воспрепятствовать имъ завладѣть богатымъ улусомъ Князя Епанчи, расположеннымъ на берегу озера, доселѣ именующагося Епанчинскимъ. Слѣдствіемъ шестаго сраженія на Иртышѣ было взятіе городка Атика, а седьмаго и послѣдняго, кровопролитнѣйшаго изъ всѣхъ, которое рѣшило участь Сибири, мы были сами свидѣтелями въ предъидущей главѣ.

Но побѣды сіи стоили можетъ быть для Ермака не болѣе усилій и искусства, требовали не болѣе разума и силы характера, чѣмъ удержаніе буйныхъ своихъ сподвижниковъ въ границахъ военной подчиненности,

и убѣжденіе малодушныхъ къ продолженію начатаго предпріятія. Два раза въ особенности Ермакъ Тимофеевичь долженъ былъ употребить всѣ мѣры осторожности и всю власть краснорѣчія для потушенія искры возмущенія, готовой вспыхнуть. Въ первый разъ, когда козаки пришли къ устью Тавды, то большая часть ихъ требовала возвращенія въ Россію, наслышавшись, вѣроятно, отъ Зырянскихъ проводниковъ, что прямыя дороги въ отечество шли вверхъ сей рѣки и потомъ чрезъ Югорскія горы. Второе подобное возстаніе нѣкоторыхъ строптивыхъ и лишенныхъ бодрости отъ безпрерывныхъ трудовъ и уменьшенія дружины, случилось въ Атикѣ; послѣ чего Ермакъ учредилъ, какъ мы видѣли тоже выше, 40 дневный постъ.

Разумѣется, что Мещерякъ былъ душею всѣхъ слабыхъ и недовольныхъ, умѣя впрочемъ всегда оставаться въ сторонѣ. Но какъ къ злобѣ и мести, которыя питалъ онъ къ Ермаку Тимофеевичу, присоединилось въ послѣднемъ случаѣ и корыстолюбіе, то при раздѣлѣ богатствъ Епанчи, онъ обидѣлъ своего пріятеля и соучастника во всѣхъ злыхъ умыслахъ Самуса, который въ отмщеніе доставалъ случай Ермаку быть свидѣтелемъ — какъ сей злодѣй раздувалъ пламя бунта между козаками — стращая ихъ великими ополченіями Царя Сибирскаго, который, если не перебьетъ въ недѣлю послѣднихъ козаковъ, то пустится умереть съ голоду, между тѣмъ какъ теперь, возвратясь на Донъ съ полными мошнами, мож-

но будетъ забыть горе, понесенное ими, Богъ знаетъ, для чего, и пожить въ привольѣ.

« Кабы у Ермака Тимофеевича, говорилъ Мещерякъ, была къ вамъ жалость, то онъ вернулся бы еще онамеднесь съ рѣки Тавды, анъ, нѣтъ, тащитъ за собою впередъ, чтобъ выкупить свою головушку — вѣрною смертію. Я самъ, братцы, опальной, а не погубилъ ваши душеньки за свою одну. »

Преодолѣніе препятствій, поставленныхъ природою почти на каждомъ шагу на пути незнаемомъ, на краю свѣта — черезъ горы, пропасти, лѣса, рѣки — въ безпрерывной борьбѣ съ стихіями, въ безпрестанной готовности отражать непріятеля невѣдомаго, встрѣчать

засады неожиданныя — требовало также большаго присутствія духа, предпріимчивости и разума необыкновеннаго.

Наконецъ послѣ толикихъ трудовъ, препонъ, пожертвованій, смертей — Ермакъ достигъ своей цѣли, сдержалъ слово, данное именитому человѣку — покорилъ царство грознаго Кучума. Увидимъ разумъ его въ земскихъ учрежденіяхъ, въ умѣньѣ вселить въ людей грубыхъ, дикихъ довѣренность къ новой власти. Для достиженія онаго онъ долженъ бы паче всего увеличить взыскательность и строгость къ своимъ сподвижникамъ, дабы и въ землѣ завоеванной не смѣли они тронуть волоса у мирныхъ жителей. Жалѣя товарищей своихъ, какъ братій въ битвѣ, не жалѣлъ онъ въ

случаѣ преступленія и казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое *дѣло студное.*

ГЛАВА IV.

Кольцо спасается въ снѣгу во время бури. — Угощеніе и забавы Остяковъ. — Любопытный разсказъ Грозы. — Новыя козни Мещеряка. — Гибель 20 козаковъ. — Судъ надъ виновными. — Торжество Грозы. — Трогательное зрѣлище.

Уркунду былъ увѣренъ, что съ Боаромъ получитъ добрую вѣсточку отъ Ермака, но не ожидалъ, чтобъ судьба столь скоро доставила случай перевесть къ нему больнаго своего друга. Въ четыре дня столько нанесло снѣгу, что всталъ прекрасный зимній путь, и онъ могъ положить его въ нарты. Но этотъ снѣгъ замедлилъ возвращеніе

изъ Искера въ свои юрты знакомымъ намъ Остякамъ; ибо они предприняли сіе путешествіе пѣшкомъ, не думая, чтобъ свѣтлая погода такъ скоро перемѣнилась въ несносную. Особенно отъ сей неожиданности страдали Кольцо съ пятью козаками, пошедшими вмѣстѣ навѣстить пропадающаго товарища, не смотря, что и они, кажется, давно знакомы были со всякаго рода непогодами.

На третій день буранъ выгналъ путешественниковъ нашихъ изъ лѣсу, которымъ они пробирались, дабы не сбиться съ пути. Старые кедры, вырываемые съ корнемъ, кидало предъ глазами ихъ какъ легкія перышки и угрожали имъ безпрерывно быть раздавленными. На пустыряхъ опасность еще увеличилась съ ожесточеніемъ бурана,

который, по примѣтамъ Остяковъ, не скоро могъ уняшься.

« Нечего дѣлать, бачька, сказалъ Боаръ въ испугѣ, ложишься въ снѣгъ, пока не замерзли.»

« Поищемъ лучше, Князь, какой нибудь ямы, вотъ у этой горы,» отвѣчалъ Кольцо, дрожжа отъ холоду.

« Нѣтъ, бачька, не проползешь и десяти шаговъ заживо.»

Не говоря болѣе ни слова, Остяки принялись копать въ снѣгу глубокія ямы и ложились въ нихъ по двое, стараясь покрыть себя, какъ можно толще, снѣгомъ. Козакамъ сколь ни не хотѣлось погребстись заживо во временныхъ сихъ могилахъ, но не оставалось другаго средства ко спасенію; ибо буранъ, казалось, привелъ всѣ стихіи въ ожесточеніе. Воздухъ раздирался ка-

кимъ-то пронзительнымъ свистомъ; снѣгъ, превращаясь въ мелкія пылинки, захватывалъ дыханіе и клубясь съ вихремъ, представлялъ небо и твердыню въ распрѣ и хаосѣ. Звѣри, птицы спѣшили укрыться въ благодѣтельныхъ сугробахъ и горахъ, внезапу возникавшихъ по гладкой поверхности. Самыя деревья, казалось, спонали.

Весьма легко отгадать, что Кольцо съ козаками своими первые вылѣзли изъ подъснѣга, кой часъ послышали тишину на поверхности, понѣжась въ Сибирскихъ пуховикахъ болѣе 12-ти часовъ; ибо солнце было уже довольно высоко, когда они вышли на бѣлый свѣтъ. По скважинамъ, образовавшимся надъ дыханіемъ, они стали опрыскать Остяковъ, находя многихъ изъ нихъ погруженными въ глубокій сонъ, и

не охотно вспавшими, потому что буря, хотя запихла, но еще не миновалась. Но на сей разъ они ошиблись — установилась прекрасная погода, и пушешествепники наши къ вечеру добрались благополучно до Боарова аула.

Уркунду чрезвычайно обрадовался прибытію Кольца, а болѣе того добрымъ вѣстямъ о Великѣ, которая, по словамъ сего послѣдняго, поправилась въ здоровьѣ. Къ сожалѣнію онъ не могъ того же сказать о ея любезномъ: Гроза только со вчерашняго дня получиль языкъ, но Ескулапъ Остякскій запрепилъ ему говорить, боясь, чтобъ малѣйшее напряженіе не растворило глубокихъ ранъ, коими покрыта была его голова и шея.

« Гдѣ ты отыскалъ его?» спросилъ Шамана Кольцо.

«Не сердись, бачька, сказалъ Уркунду, а съ начала я подумалъ, что убилъ его вашъ братъ Апаманъ.»

«Кого же изъ насъ подозрѣвалъ ты?»

«Вѣстимо никого другаго, кромѣ Мещеряка; онъ только у васъ не добрый человѣкъ и много зла сдѣлаетъ... А какъ раздумалъ хорошенько, то и пошелъ къ засѣкѣ искать его мертваго между убитыми.»

«Мы до тебя тамъ всѣхъ пересмотрѣли, но его не нашли,» замѣтилъ Кольцо съ удивленіемъ.

«Вишь бачька, вы смотрѣли въ одинъ, а я въ два глаза...»

«Да какъ же онъ могъ очутиться въ сраженіи, когда мы оставили его стеречь городище?» спросилъ Кольцо.

«Этого я не знаю; но когда сказалъ ты мнѣ, что на Мамешкула наскакалъ бѣшеной и сбилъ его съ коня, то мнѣ пришло въ голову, что этотъ бѣшеной долженъ быть Атаманъ Гроза.»

«Знаешь ли Уркунду, сказалъ Кольцо, что и я съ тобою одного мнѣнія и даже намекнулъ о томъ Ермаку Тимофеевичу. Тебѣ извѣстна его строгость: онъ иначе не проститъ Грозѣ его самовольства.»

Кажется разговоръ сей былъ непродолжителенъ, а Остяки успѣли уже напиться допьяна съ радости отъ полученія добрыхъ вѣстей изъ Искера. Веселыя толпы ихъ проходили поперемѣнно въ юрту и приносили дорогимъ гостямъ лучшія свои яствы и питья, какъ то: крошенину изъ оленя, по счастію не

задолго издохшаго, (*) ***котклей*** — сваренную, не вычищенную рыбу безъ соли, ***порсу*** — сушеные сняпки, употребляемые ими вмѣсто хлѣба и отваръ изъ ***мухоморовъ,*** — который скорѣе и сильнѣе приводитъ въ опьянѣлость всякаго другаго вина. Но прежде чѣмъ они предложили гостямъ своимъ сіи лакомства или сами принялись за нихъ, соблазняли ими съ добродушною хитростію своихъ истукановъ. Сынъ Боара Калкалъ нѣсколько разъ помазывалъ своему ***Лусу*** губы оленьимъ жиромъ, прося съ низкими поклонами, чтобъ покушалъ; но какъ и послѣ того онъ ничего не принималъ, то сказалъ ему: «ты не хочешь, ну такъ, пожалуй, я п'под-

(*) Одна только крайность заставитъ Остяка убить оленя.

чую нашихъ гостей, и самъ поемъ, а ты, смотри, не жалуйся.» Пьяные долго забавляли козаковъ своими плясками и пѣснями. Первые состояли изъ подражанія разнымъ звѣрямъ и птицамъ, а вторые изъ похвалъ, сложенныхъ и пѣтыхъ экспромтомъ въ честь гостей. Нельзя было безъ удивленія видѣть искусства, съ которымъ Калкалъ вмѣстѣ съ молодою женщиною довольно пріятной наружности и также довольно пьяною, представляли любовныя объясненія лѣсныхъ кошекъ. Оба дѣйствующія лица одѣты были въ рысьи кожи. Форканье, мурлыканье, прыжки, лукавые шаги соблюдены были ими съ величайшею точностію, въ особенности же отчаяніе самца, который, озлобясь на обманы своей любезной, съ свирѣпостію кидается на нее и впи-

вается всѣми когтями при ужасномъ ревѣ съ обѣихъ сторонъ. Совершенную противуположность представляла потомъ картина ловли оленей, хотя также любовь была основаніемъ сего зрѣлища. Сколько спокойствія и хладнокровія со стороны животныхъ, столько хитрости и осторожности отъ человѣка, пользующагося привлеченіемъ дикаго самца въ свои сѣти помощію пріученной самки. Робость звѣря при малѣйшемъ бунчаніи насѣкомаго, гордое озираніе его при едва слышимомъ шелестѣ листочка и многократное обнюхиваніе самаго вѣтра, противъ коего обыкновенно заходятъ ловить, наконецъ единообразное движеніе лани переднею ногою, въ доказательство, что она спокойно кушаетъ найденный ею мохъ въ изобиліи — требовали не

менѣе искусства въ нѣмой мимикѣ и изученіи свойствъ сихъ животныхъ. Въ заключеніе, отличный Осетинскій бардъ—***Таедко*** пропѣлъ, подъигрывая себѣ на ***тумбрѣ*** (*) богатырскую балладу, вновь имъ сочиненную на разбитіе козаками Мамешкула, коей поэзія равнялась достоинствомъ съ музыкою, раздиравшею уши нашихъ слушателей.

Неистовые крики актеровъ и зрителей ни сколько, казалось, не потревожили больнаго, лежавшаго въ той же юртѣ за занавѣскою, но даже будто пробудили въ немъ погасшія чувства. Гроза, различивъ голосъ Кольца, изъявилъ непреодолимое желаніе его увидѣть. Нельзя было отказать, хотя Ескулапъ нашъ крѣпко наморщился .... Друзья ис-

(*) Родъ балалайки съ кишечными струнами.

кренно обнялись и Кольцо, предупреждая вопросъ больнаго, объявилъ ему въ коротких словахъ о всѣхъ счастливыхъ событіяхъ, случившихся въ послѣднее время. Гроза вмѣсто отвѣта перекрестился и пожалъ руку радостному Ашаману.

Съ сей минуты здоровье Грозы стало поправляться не по днямъ, а по часамъ, и Кольцо съ Шаманомъ положили, не откладывая далѣе сутокъ, перевезть его въ городъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Кольцо имѣлъ порученіе отъ Ермака Тимофеевича развѣдать, какъ можно обстоятельнѣе, о новыхъ своихъ подданныхъ, а потому онъ не оставилъ ничего безъ замѣчанія, даже обратилъ вниманіе на уступъ, возвышавшійся противъ ихъ аула на берегу рѣки въ видѣ гладкой спѣ-

ны, исписанной красными буквами. Никто не умѣлъ объяснить ему значеніе сихъ письменъ, только одинъ Уркунду сказалъ, что это сдѣлано не ими и не Татарами, а народомъ, задолго до нихъ жившимъ, питавшимся серебромъ и золотомъ, которое выкапывали они изъ земли, какъ они теперь копаютъ орѣхи и коренья. (*)

(*)Нѣтъ сомнѣнія, что Уркунду разумѣлъ *копіи*, извѣстныя въ Сибири подъ именемъ Чудскихъ, которыя въ немаломъ числѣ находятся по Уралу, а еще болѣе по хребту Саянскому, и доказываютъ существованіе тамъ *нѣкогда* народа просвѣщеннаго и любознательнаго; въ одной изъ сихъ копій найдены были двѣ мѣдныя гири съ письменами, которыхъ никто разобрать не могъ. Очень вѣроятно, что этотъ трудолюбивый народъ оставилъ по себѣ и сіи надписи, высѣченныя или нарисованныя красною краскою на недосягаемыхъ вер-

На утро Кольцо нашелъ Грозу гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ ожидалъ. Видя, что душевное веселіе служитъ ему дѣйствительнѣйшимъ бальзамомъ онъ рѣшился, увѣдомить его о счастливомъ отысканіи Велики. Сколь ни пріятна была для влюбленнаго вѣсть сія, но въ скорости замѣтилъ Кольцо облако скорби, отуманившее чело его и, отгадывая причину, разска-

---

тинахъ гранитныхъ береговъ Сибирскихъ рѣкъ. Онѣ тѣмъ любопытнѣе, что имѣютъ величайшее сходство съ подобными памятниками, открытыми въ противуположныхъ концахъ Сѣверной и Южной Америки — и также ни кѣмъ не разгаданные! Если мы убѣждаемся безпрерывными открытіями въ существованіи неизвѣстныхъ животныхъ, исчезнувшихъ съ лица земли, — то почему не допустить, что были и народы, непричастные Исторіи. Міръ старѣе кажется, чѣмъ мы полагаемъ.

залъ ему всѣ подробности чудеснаго избавленія ея отъ счастія умножить число Одалисокъ сластолюбиваго Кучума.

«Теперь я самый счастливый человѣкъ,» воскликнулъ Гроза съ восторгомъ.

«Желаю, дружище, чтобъ впредь ничто не помѣшало твоему счастію,» сказалъ значительно Кольцо.

«Понимаю,» отвѣчалъ Гроза. И подумавъ не много, продолжалъ: «ты даве сказалъ, что причиною счастливой перемѣны сраженія при засѣкѣ, была рана Мамешкулова..»

«Да!»

«Ну такъ узнай же, что Гроза былъ тотъ счастливецъ....» Онъ не могъ продолжать за увеличивающеюся слабостію; но для Кольца было достаточно услышать отъ честнаго Грозы изустное под-

тверженіе своей догадки. Ему хотѣлось бы только еще узнать, какимъ образомъ совершилось сіе чудо.

«По истинѣ чудо,» сказалъ Гроза, отдохнувъ и укрѣпясь не много. «Дастъ Богъ, какъ обмогусь, разскажу тебѣ все обстоятельно, а теперь удовлетворю твое любопытство въ нѣсколькихъ словахъ.»

Приходъ Шамана не только не остановилъ Грозу продолжать свое повѣствованіе, напротивъ того, онъ обрадовался случаю получить отъ него разтолкованіе нѣкоторыхъ имовѣрностей, не мало его мучившихъ....

«Я очень понималъ всю важность охраненія Аптипка,» зачалъ онъ съ разстановками; «но согласись, Кольцо, могъ ли Гроза оставаться равнодушнымъ, слыша жаркую ва-

шу перепалку и страшные вопли несмѣтной рати Кучумовой, тогда какъ зналъ, что битва сія должна рѣшить судьбу всего похода?.... Признаюсь, я горѣлъ какъ на огнѣ, метался, какъ угорѣлый, изъ одного угла въ другой, бѣгалъ вокругъ городища, а не было легче сердцу... Богъ знаетъ, что приходило мнѣ на мысль.... уже я колебался: вдругъ стоя на отдаленномъ валу городища, слышу глухой голосъ Уркунду, выходившій будто изъ преисподней: *спаси!*... Прислушиваюсь,... и другой голосъ, не менѣе для меня любезный, голосъ Велики, повторилъ тоже.... Голова моя закружилась, я подумалъ, что слова сіи есть велѣніе свыше, и не разбирая болѣе ничего, взявъ только честное слово съ Есаула Самки, что онъ будетъ биться до послѣдней

капли крови, если бъ варвары напали на острогъ, и никому не скажетъ о моемъ побѣгѣ, въ случаѣ, если бъ я и не вернулся назадъ. Спускаюсь осторожно съ вала, приказавъ свести сторожевыхъ, чтобъ меня не видали, набрасываю на себя Остяпскій мѣшокъ, и сѣвъ на лошадь, которая, по счастію, прибѣжала за часъ съ мѣста сраженія въ полной сбруѣ, сбивъ съ себя, вѣроятно, Мурзу Апика, скачу на звукъ пальбы во всю прыть, какъ будто гонимый невѣдомою силою; въ ушахъ моихъ раздаются слышанныя слова, и я прискакиваю на поле битвы въ то самое мгновеніе, какъ Мамешкулъ, успѣвъ собрать и ободрить тысячи оробѣвшихъ всадниковъ своихъ, гоповъ былъ ринушься на нашихъ. . . . Тутъ только я опомнился и увидѣвъ не-

возможность пробиться до своихъ, увидѣлъ и свою безразсудность — возмечтать одному спасти всю дружину!... Къ счастію, я не успѣлъ предаться отчаянію, какъ блеснула въ головѣ моей отрадная мысль, которую почелъ я выполненіемъ слышанныхъ мною словъ, и — съ новою силою пустилъ моего коня до Тапарскаго предводителя. Не большаго труда стоило мнѣ пробиться до него и однимъ взмахомъ сабли повергнуть на землю.... Изумленіе бусурмановъ продолжалось недолго, скоро они нагнали меня на берегу Иртыша и оглушили своими воплями и ударами.... Не даромъ однако я продавалъ имъ жизнь свою и не прежде упалъ, пока не повалилась за-мертво моя лошадь... Болѣе я ничего не помню и очнулся уже здѣсь за занавѣскою....»

«Теперь твоя череда кончить,» сказалъ Кольцо Шаману.

«Охотно, бачька,» отвѣчалъ Уркунду, только прежде скажу, какъ Грозѣ послышались наши голоса. Вишь Мещерякъ, которому отдалъ насъ Ермакъ за лазутчиковъ, заперъ насъ въ яму, обѣщаясь на утро притти выпытать правду. Мнѣ бы ничего, да бѣдняжка Велика не стерпѣла смрада отъ мертваго тѣла, которое лежало въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ нами, и обезпамятѣла; кое-какъ я пособилъ ей: долго ничего не было ни слышно, ни видно вокругъ насъ. Вдругъ къ неописанной радости узнали мы черезъ скважину, что подлѣ насъ сторожилъ Атаманъ Гроза. Мы почти въ одинъ голосъ закричали, чтобъ онъ спасъ насъ. Вотъ эти-то слова онъ принялъ

иначе, и чуть не положилъ своей буйной головушки. »

« Слава Богу, » прервалъ его Кольцо, « что онъ не понялъ ихъ, какъ должно; иначе не сдѣлалъ бы славнаго дѣла. Но скажи: какъ же ты спасъ его? »

« Помнишь ли, я убѣжалъ отъ васъ, услыша, что пропалъ Гроза, » продолжалъ Шаманъ; « вотъ я бѣгу на мѣсто сѣчи, шамъ перешарилъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, даже безголовыхъ, а все не нашелъ Атамана Грозы. Вотъ я пошелъ по красному слѣду къ Иртышу и не зналъ: радоваться ли мнѣ или печалиться, когда увидѣлъ его плавающимъ въ запекшейся крови, — и чуть было я не прозѣвалъ его въ его новомъ нарядѣ. Ну-ко мыть въ чистой водѣ, да скоблить пескомъ, пока не полилась кровь; я обрадовался, а онъ

все не дышалъ. Тутъ я облепилъ его кедровою сѣрою. До Искера было далеко, да и не подняться бы вверхъ по вешкѣ, (*) которая тутъ стояла у берегу; и такъ я по водѣ сплавилъ его до юрта Князя Боара. »

На семи нартахъ, запряженныхъ оленями, козаки наши отправились на четвертый день въ обратный путь, взявъ съ собою больнаго Грозу и Шамана. Въ трои сутки они благополучно достигли до Искера.

Кольцо спѣшилъ сообщить Ермаку Тимофеевичу свѣдѣнія, касающіяся до Грозы.

« Хорошо, коли окажется правда,» замѣтилъ довольно сухо Ермакъ, « иначе ему будетъ дурно. »

« Ты зналъ Грозу за честнаго «козака, онъ на себя не всклеплетъ,»

(*) Лодка изъ береста.

отвѣчалъ Кольцо съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

« То правда ,» сказалъ Ермакъ , « но ты самъ знаешь , что въ дѣлахъ общественныхъ нужно отбросить всякое лицепріятіе. »

« Коли нужно, Атаманъ , я присягну на Евангеліи, что все, показанное Грозою , есть совершенная правда. »

« Всего этого недостаточно , любезный Иванъ Ивановичь , ты вѣдь не былъ свидѣтелемъ , а тоже вѣришь чужимъ словамъ. »

« Если надобенъ свидѣтель , » подхватилъ Кольцо , «то спроси подъ присягою Есаула Самку. »

«Это другое дѣло. Мы то и сдѣлаемъ ужо на кругу и увидимъ , какъ посудятъ товарищи ,» сказалъ Ермакъ хладнокровно , и вышелъ вонъ изъ палаты.

Кольцо не могъ надивиться внезапной суровости Атамана къ Грозѣ, не зная, что причиною оной были новыя козни Мещеряка. Ермакъ послалъ партію изъ 20-ти козаковъ, подъ начальствомъ Самуса, на Абалацкое озеро для рыбной ловли. Козаки, забывъ осторожность, умѣренность и строгій наказъ Атамана, предались, по примѣру развратнаго своего Есаула, пьянству, грабежу и всякаго рода насиліямъ въ близь-лежащихъ Шамшинскихъ юртахъ. Озлобленные жители дали знать Маметкулу, который, не смотря на язву свою, бодрствовалъ не вдалекѣ, выжидая случаевъ вредить побѣдителямъ. Ему не стоило большаго труда перерѣзать весь отрядъ, кромѣ четырехъ, которыхъ успѣлъ спасти Ермакъ, прилетѣвшій самъ на помощь по пер-

вому зову. Непріятели дорого заплатили ему за убійство шестнадцати православныхъ воиновъ, но и спасенныхъ ими четырехъ, въ томъ числѣ Есаула, онъ предалъ кругу на осужденіе за ослушаніе и распутство. Ермакъ требовалъ отъ дружины не только повиновенія и храбрости, но и цѣломудрія и чистоты душевной, увѣренъ будучи, что Богъ даетъ ему побѣду съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ воиновъ, нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ. (*)

Кольцо возвратился въ Искеръ въ самое то время, какъ Ермакъ приказалъ привести въ исполненіе приговоръ круга, которымъ присуждены были три козака: просидѣть въ рѣкѣ въ кандалахъ для *оловенія*

(*) Карамзина томъ IX. стр. 391.

и въ набитомъ пескомъ платьѣ, съ полденъ до заката солнца, а Есаулъ Самусъ на смерть, яко виновникъ гибели своихъ подчиненныхъ. Мещеряку жалко было лишиться участника своихъ замысловъ, но онъ зналъ, что развѣ чрезвычайныя мѣры могли преклонить Ермака Тимофеевича къ помилованію, а потому подговорилъ нѣсколько козаковъ притти на Майданъ, (*) и потребовать суда Грозѣ, который оказалъ еще важнѣйшее ослушаніе самовольнымъ отлученіемъ изъ Ашика. Мещерякъ полагалъ, что для спасенія своего любимца Ермакъ смягчитъ наказаніе Самусу. Но не таковъ былъ вождь ихъ: онъ равнодушно выслушалъ требованіе воиновъ и обѣщалъ

(*) Козаки и въ Сибирѣ завели свои круги на площади, которую назвали Майданомъ.

его предать немедленно на судъ круга.

Кругъ собирался въ то самое время, какъ Ермакъ бесѣдовалъ съ Кольцомъ. Оставивъ сего послѣдняго въ своей палатѣ, Атаманъ скоро и его потребовалъ на Майданъ. Кольцо нашелъ вождя уже говорящимъ.

« Требованіе ваше, товарищи, справедливо, » сказалъ Ермакъ Тимофеевичь. « Атаманы обязаны подавать примѣръ строгаго выполненія своихъ обязанностей, а потому и подлежатъ строжайшей предъ другими отвѣтственности. Правда, городище не было въ опасности, но могъ ли Гроза предвидѣть, что непріятель не обратится на него и не постарается лишить насъ главныхъ силъ, богатства и пропитанія, ввѣренныхъ въ его защиту? Пусть обвиняемый явится

къ справданію себя,» примолвилъ онъ, давъ знать головою стоявшимъ за нимъ козакамъ, чтобъ позвать Грозу, если имѣешъ что принесть въ свое оправданіе.

«Чай, потѣшался въ разговорахъ съ своей невѣстою,» раздался насмѣшливый голосъ изъ толпы козаковъ. «Ему одному у насъ счастье, да воля.»

«Нѣтъ, товарищи,» сказалъ Кольцо съ жаромъ, вышедъ на средину, «не обвиняйте по напрасну Атамана Грозу, не бериге грѣха на душу, чтобъ послѣ самимъ не жалѣть. Подаю голосъ допросить свидѣтелей. Есауль Самка, который оставался по немъ старшимъ въ городищѣ, обязанъ присягнуть на святомъ Евангеліи, что покажетъ истину....»

Ермакъ и весь кругъ одобрили сіе предложеніе, и Самка, подошедъ къ налою, на которомъ лежали Евангеліе и крестъ, далъ обѣщаніе не покривить душею, поцѣловавъ то и другое.

Послѣ сего онъ повторилъ торжественно все то, что мы уже знаемъ изъ признанія Грозы въ юртѣ Боара, присовокупивъ только, что онъ освободилъ Уркунду съ Великою изъ тюрьмы, въ которую кинулъ ихъ Мещерякъ, уже послѣ отбытія Атамана Грозы, который про нихъ не вѣдалъ, да и самъ онъ нечаянно открылъ мѣсто ихъ заточенія.

«Теперь выслушаемъ другаго свидѣтеля,» сказалъ Кольцо, и велѣлъ Уркунду разсказать, гдѣ и какъ онъ нашелъ Грозу? «Оставляю, товарищи,» присовокупилъ онъ, «справедли-

вому вождю нашему дополнить остальное....»

«Да! я готовъ засвидѣтельствовать торжественно,» продолжалъ Ермакъ, возвыся голосъ, «что видѣлъ собственными своими глазами, какъ Гроза поразилъ Маметкула и сею отвагою обратилъ къ намъ побѣду...»

Въ это самое мгновеніе показался Гроза — блѣдный, изнеможенный, покрытый глубоками язвами, опираясь на двухъ козаковъ. Никогда видъ его не бывалъ столь привлекателенъ, никогда почетныя раны не украшали болѣе героя и не возбуждали сильнѣе чувствъ благоговѣнія. Козаки по невольному побужденію сняли предъ нимъ шапки.

Гроза приблизился къ Майдану и слабымъ голосомъ слазалъ: «братцы! я принесъ вамъ свою повинную голову...»

«Побѣдителей не судятъ,» раздалось въ кругу.

«И такъ я умру не какъ преступникъ.... Не откажите мнѣ, братцы, еще въ одной милости...»

«Говори, говори, все для тебя сдѣлаемъ.... »

Гроза сдѣлалъ шагъ впередъ, вырвался изъ рукъ помощниковъ и, кинувшись на колѣни, произнесъ со слезами: «простите Самуса....»

Неожиданная просьба привела всѣхъ въ недоумѣніе. Всѣ глядѣли на Ермака, какъ будто требуя отъ него рѣшенія.... Между тѣмъ Гроза все стоялъ на колѣняхъ, и, по стеченію обстоятельствъ въ тоже время обреченнаго на смерть Самуса, выводили въ желѣзахъ, съ обнаженными саблями изъ часовни; гдѣ онъ исповѣдался и причастился Святыхъ таинъ. Впереди его

несли мѣшокъ, въ которомъ онъ черезъ нѣсколько минутъ долженъ быть зашитъ заживо, и съ камень-ями опущенъ на дно глубокаго Иртыша.

Столь умилительное зрѣлище не могло не тронуть самаго твердаго сердца, — сердца Ермака Тимофеевича. Онъ первый снялъ съ себя шапку и махнувъ ею, закричалъ: прощаемъ!....

Отрадное слово сіе — вездѣ и всегда радостное, съ восторгомъ повторено было доблестными воинами. Всѣ веселились не менѣе одержанной побѣды; одинъ виновникъ сего веселія Гроза, по слабости силъ, не могъ взять участія. Его безъ памяти отнесли съ Майдана.

ГЛАВА V.

Помолвка Грозы съ Великою. — Открытіе новыхъ умысловъ Мещеряка. — Остяки и Вогулы пребуютъ Ермака въ Цари Сибирскіе. — Ермакъ ополчается. — Кругъ. — Посторонніе толки. — Ермакъ предлагаетъ повергнуть завоеванное ими Царство Царю Іоанну Васильевичу. — Мещеряк пропившійся. — Провозглашеніе Ермака Царемъ Сибирскимъ. — Козаки увлечены лестію и коварствомъ Мещеряка. — Ермакъ опказывается.— Кольцо ѣдетъ посломъ къ Царю Іоанну Васильевичу. — Неудача Мещеряка.

Не далѣе, какъ черезъ пять дней послѣ сего происшествія, въ Искерѣ случилось не менѣе достопамятное и неожиданное зрѣлище. По желанію несчастныхъ любовниковъ, разстававшихся опять на неопредѣленное

время, Ермакъ позволилъ Грозѣ обручиться съ Великою на канунѣ отъѣзда ея съ гонцемъ, котораго отправлялъ онъ къ Строгоновымъ съ подробнымъ извѣщеніемъ о своихъ успѣхахъ.

Правила цѣломудрія, приняшыя Ермакомъ для своей дружины, не позволяли ему согласиться, чтобъ хотя одна женщина оставалась въ ихъ станѣ. Гроза зная, сколь онъ былъ твердъ и непреклоненъ на сей счетъ, едва рѣшился просить его, чтобъ онъ былъ свидѣтелемъ ихъ кляпвы — принадлежать одинъ другому или умереть — принесенной торжественно въ храмѣ Божіемъ, и, въ качествѣ отца, благословить ихъ будущій союзъ. Съ сей минуты Гроза считалъ себя болѣе въ правѣ, — считалъ для себя безгрѣшнѣе мыслить объ од-

ной Великѣ! Увы! Онъ позналъ всю цѣну милой своей Велики, — не смотря на коротkое время, — и разставался съ нею, можетъ быть на вѣкъ!

Какъ справедливо сказалъ какой-то Французскій писатель: *en amitié on s'aime parcequ'on se connoit, en amour on se connoit parcequ'on s'aime.*

Намъ кажется теперь удивительнымъ, почти невѣроятнымъ, — какъ могли быть счастливы супружества въ тѣ времена, когда они совершались безъ взаимнаго согласія и даже, какъ гласитъ преданіе, были счастливѣе нашихъ? Признаюсь: это, по моему мнѣнію — одна изъ неразрѣшимыхъ задачъ о сердцѣ человѣческомъ! По крайней мѣрѣ достовѣрно то, что счастливые предки наши не знали тѣхъ несравненныхъ минутъ, которыя вкуша-

ютъ теперь два существа, мечтающія вмѣстѣ о будущей своей жизни, не понимали гордости — быть творцемъ своего благополучія, не ощущали той душевной пытки, того мучительнаго страха — потерять свой избранный предметъ, которыя терзаютъ, преслѣдуютъ ихъ до самой той минуты, когда узы, ничѣмъ не разрываемыя, успокоиваютъ два трепещущія сердца... Увы! Гроза былъ изъ малаго числа тѣхъ счастливцевъ или несчастливцевъ XVI вѣка, который испытывалъ сіи ощущенія!

Дикой язычникъ и теперь показалъ нѣжность, достойную просвѣщеннѣйшаго Христіанина. Уркунду замѣтя, что Гроза терзался болѣе тѣмъ, что не въ состояніи былъ проводить свою Велику въ Орелъ-городокъ, чѣмъ самою съ ней раз-

лукою, взялся доставить ее въ сохранности къ Строгоновымъ, обѣщаясь не медля возвратиться къ больному своему другу, коего здоровье отъ безпрерывныхъ душевныхъ движеній весьма пострадало и требовало всего его попеченія и искусства.

Чрезвычайный холодъ, опасныя вьюги и краткость зимнихъ дней въ сихъ странахъ полуночныхъ, не позволяли Ермаку мыслить о новыхъ, отдаленныхъ предпріятіяхъ до весны (*), и онъ занялся мирнымъ подданствомъ сосѣднихъ народовъ распространять свои владѣнія. Въ трудахъ сихъ дѣятельнѣе всѣхъ содѣйствовалъ ему Атаманъ Мещерякъ, который, бывъ самъ Татарскаго происхожденія, имѣлъ болѣе

(*) Карамз. том. IX. стр. 391.

всѣхъ другихъ вліянія на своихъ одноплеменцовъ. Его стараніемъ и убѣжденіемъ два сильныхъ Князя Вогульскихъ: Ишдербей и Суклема, изъ коихъ первый господствовалъ за Эскамбинскими болотами, на берегахъ Конды и Тавды, а вторый въ окрестностяхъ Тобола, прибыли въ Искеръ и добровольно вызвались платить ясакъ соболями. Оставалось получить отъ нихъ присягу въ вѣрности, и это взялся уладить Мещерякъ. Искреннее усердіе, которое оказывалъ онъ въ дѣлахъ, болѣе всего занимавшихъ дѣятельный умъ и дальновидные планы Атамана, невольнымъ образомъ сблизило его опять съ нимъ. Мещерякъ, по старому, сталъ ближе всѣхъ къ Ермаку и сей послѣдній, казалось, забылъ его вѣроломство или относилъ оное къ его малодушію. Одинъ

только Кольцо не хотѣлъ вѣрить, чтобъ и въ семъ усердіи не скрывались какіе ни есть умыслы хитреца; скоро увидимъ, кто изъ нихъ ошибся?

Кольцо рѣшился прилежнѣе наблюдать за Мещерякомъ и его друзьями Самусомъ и Габаномъ, надѣясь, что случай вознаградитъ его терпѣніе; ибо, въ старину, какъ и нынѣ, человѣкъ только того не достигалъ, къ чему не употреблялъ всѣхъ стараній, мѣръ и пожертвованій. Не прошло недѣли, какъ въ глухую полночь онъ услышалъ стукъ у дверей своихъ. Кольцо поспѣшилъ отворить ихъ, и встрѣтя двухъ Остяковъ въ непрезвомъ видѣ, отгадалъ тотчасъ, что они зашли къ нему ошибкою, вмѣсто Мещеряка. Онъ не счелъ грѣхомъ воспользо-

ваться сею нечаянностію, надѣясь что нибудь вывѣдать изъ нихъ, касательно своего подозрѣнія, а пьяные дикари не скоро могли разглядѣть его и свою ошибку при едва тепливщейся лампадѣ.

« Ну, бачька, » сказалъ одинъ изъ нихъ постарше, въ коемъ Кольцо узналъ Князя Ишбердея, « ну вопъ и Князь Суклема соглашается. Подавайка водки, да не скупися. . . . »

« За водкою дѣло не станетъ, » опвѣчалъ Кольцо чужимъ голосомъ, « скажи напередъ, какъ вы согласились ? »

«Мы согласились, бачька, ужё на свѣту со всѣмъ народомъ встать передъ юртою Хана Ермака и закричать : мы, бачька, тебя хотимъ въ Цари. »

«Да! закричимъ въ одно горло, тебя одного, бачька, хотимъ,» прибавилъ Суклема, притопнувъ ногою.

«Ась! ладно ли, что жъ ты не подносишь водки?» спросилъ Ишбердей съ нетерпѣніемъ.

«Нѣтъ! постой,» превалъ его Суклема, «поучика меня пополковѣе, пока еще память не ушла, какъ приступить намъ къ Хану, коли онъ станетъ ломаться?»

«Ну станетъ ли ломаться, кому не охота въ Цари?» замѣтилъ первый изъ Вогуловъ съ лукавою усмѣшкой, и взглянувъ въ это время съ большею внимательностію на Атамана Кольцо, позналъ свою ошибку. Замѣшательство дикаря, не умѣвшаго еще хорошо прито-

ряться, достаточно показало Кольцу, что это было у нихъ съ Мещерякомъ лажено въ тайнѣ. Чтобъ вывесть его изъ спрадальческаго положенія, Кольцо сказалъ:

«Не бойся, Князь, вѣдь и я другъ Ермака Тимофеевича и не менѣе твоего Хана Мещеряка, желаю ему добра.»

Слова сіи разкрыли и полусонные глаза Суклемы; онъ выпучилъ ихъ на Кольцо, не говоря ни слова, а между тѣмъ Ишбердей сказалъ: «такъ и быть, бачька, не говори только ему прежде насъ. Вишь Мещерякъ крѣпко заказалъ никому не сказывать.»

Кольцо, увѣривъ его въ своей скромности, выпроводилъ тотчасъ же нежданыхъ гостей, показавъ имъ дорогу къ дому Мещеряка, а самъ

предался размышленію о семъ неожиданномъ открытіи.

Уже незадолго предъ разсвѣтомъ онъ заснулъ и конечно проспалъ бы долго, если бъ шумъ, подобный реву бури, не разбудилъ его. Вслушиваясь внимательнѣе, онъ безъ труда различилъ нѣсколько дикихъ голосовъ, а приведя на память ночное происшествіе, которое бы иначе почелъ за сонъ, не медля ни мало накинулъ на плеча свои шубу и пошелъ смотрѣть Мещерякову комедію.

И Ермака Тимофеевича первымъ чувствомъ было безпокойство, когда онъ подъ окошкомъ своимъ услышалъ ужасный ревъ множества грубыхъ голосовъ. Онъ также тотчасъ вышелъ узнать оному причину, гоповя уже въ мысляхъ планъ

предупредить и потушить всякое возмущеніе или возстаніе; но не могъ добиться толку отъ Вогуловъ, стоявшихъ на колѣнахъ и дравшихъ во всю мочь горло, (прибѣжавшіе же козаки на шумъ сей, также какъ и онъ, казалось, смотрѣли на нихъ въ недоумѣніи) доколѣ Князья ихъ не повалились къ нему въ ноги и не повторили изъ всей мочи твердо выученную ими ролю:

«Бачька, великій Ханъ Московскій, мы и весь народъ Вогульскій хотимъ тебя въ Цари наши и ни кому другому, кромѣ тебя, присягать не станемъ.»

Сія неожиданность привела Ермака Тимофеевича въ нѣкоторое замѣшательство; не смотря на уди-

вительное присутствіе духа, онъ не вдругъ нашелся, что отвѣчать; но это замѣтилъ одинъ только Кольцо, потому что онъ одинъ только могъ равнодушно наблюдать за сею сценою, бывъ нѣкоторымъ образомъ посвященъ въ ея таинства.

Ермакъ поднялъ съ земли Ишбердея и Суклему, и съ достоинствомъ, приличнымъ повелителю народа, достоинствомъ, невольно дававшемъ ему всегда поверхность надъ его подчиненными, — произнесъ слѣдующія слова: « Много благодарствую за любовь вашу ко мнѣ. Употреблю всѣ старанія, чтобы вы никогда не раскаялись въ надеждѣ своей на мою защиту, покровительство и справедливость. Принимаю съ удовольствіемъ вашу присягу...

Кольцо взглянулъ на него съ удивленіемъ, а Вогульскіе Князья принялись кричать, а за ними и всѣ Вогулы: «Да здравствуетъ Ермакъ, Царь Сибирскій!»

Ермакъ Тимофеевичь, ни сколько не смутившись, продолжалъ говорить:

«Но вы знаете, друзья, что я подданный Царя Московскаго, а потому добровольное ваше мнѣ подданство передамъ добровольно подъ Его великую державу....»

Кольцо увѣренъ былъ въ благоразуміи Ермака Тимофеевича, но по началу его рѣчи не ожидалъ столь счастливаго оборота и былъ внѣ себя отъ радости; Вогульскіе же Князья, безъ сомнѣнія, по данному имъ уроку, закричали:

«Нѣтъ! бачька, мы хотимъ быть твоими или ничьими. Коли ты отъ насъ отступаешься, мы кинемъ свои юрты, промѣняемъ свои кедровые лѣса на тундры зыбучія, уйдемъ къ студеному морю, гдѣ насъ никто не добудетъ.»

«Остановитесь и выслушайте меня внимательнѣе,» сказалъ Ермакъ Тимофеевичь съ спокойствіемъ, ему одному свойственнымъ... «Не страшитесь, а благодарить Бога должны вы, что Онъ привелъ васъ подъ державу всемощнаго Царя Московскаго. Его одного имени трепещутъ Государи во сто разъ сильнѣе Кучума и дерзновеннѣе Мамет-кула, и не смѣютъ не только отнимать собственности у его подданныхъ, но даже приближаться къ нимъ. Сильный Царь Московскій...

Тутъ, завидѣвъ Мещеряка, подходившаго къ кругу съ видомъ любопытства, онъ остановился, подозвалъ его къ себѣ и громко, такъ, что всѣ слышали, поручилъ ему употребить свои старанія для вразумленія добрыхъ друзей его о выгодахъ подданства Царю Московскому.

Мещерякъ хотѣлъ что-то говорить, но Ермакъ Тимофеевичь, не останавливаясь долѣе, вернулся въ свою палашу.

Широкими шагами разхаживалъ завоеватель Сибири по свѣтлицѣ своей; великая дума занимала его душу и сердце. Онъ то хмурилъ густыя свои брови, то улыбка самодовольствія являлась на гордомъ челѣ его. Всѣ движенія, самый взглядъ изображали сильное вну-

треннее бореніе. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ позвать кого-то, но останавливался въ раздумьѣ и — продолжалъ ходить.

Казалось, Ермакъ обрадовался приходу Мещеряка. Они долго между собою разговаривали съ жаромъ и вѣроятно были одинъ съ другимъ противнаго мнѣнія. Ибо Кольцо, который зашелъ также къ Атаману предъ начатіемъ круга, къ коему всѣ были повѣщены, могъ услышать при входѣ своемъ слѣдующія слова, сказанныя Ермакомъ Тимофеевичемъ: «Увидишь, Мещерякъ, что никто съ тобою не согласится.»

Козаки недоумѣвали, что заставило Атамана созвать ихъ на кругъ, спрашивали другъ друга, что будетъ предметомъ ихъ совѣщаній?

«Вѣстимо,» говорилъ Самусъ, не только не смирившійся отъ великодушнаго прощенія, но еще болѣе ожесточенный противу всякой надъ собою власти и порядка, особливо, когда его лишили званія Есаула, «вѣстимо созвали для важнаго дѣла: чай нужно нашему доброму дѣдушкѣ кого нибудь въ куль, да въ воду, чтобъ поменьше калякалъ. Другой радости давно не слышимъ на кругахъ, другаго ничего не творится на вольныхъ судахъ козацкихъ, какъ, знай, что вѣшаемъ, да топимъ храбрыхъ браній нашихъ за такіе грѣхи, что и монаха бы въ монастырѣ на поклоны не поставили.»

«Диво, братцы, да и только,» подхватилъ Грицко, «что у насъ завелось съ нѣкой поры: не смѣешь,

право, пѣсни смурлыкать, не только козачка проплясать.»

«За то можешь вдоволь насмотрѣться,» прибавилъ Самусъ съ злымъ смѣхомъ, «какъ другіе пляшутъ въ присядку въ прорубахъ съ желѣзнымъ ворганомъ на ногахъ. Пора, братцы, намъ опомниться и пожить своею волею за труды и кровь молодецкую....»

«Да дѣдушко-то, вишь стращаетъ Московщиною. Не послушайся, разомъ выдастъ всѣхъ Царю Московскому: а Сударь Іоаннъ Васильевичь шушить не любитъ.»

«Тебѣ, Грицко, все смѣхи, да потѣхи,» сказалъ съ негодованіемъ Самусъ. Глядя на тебя, иной подумаетъ, что житье-то у насъ словно масленица и какъ будто не

кѣмъ намъ измѣниться? Благодаря Бога, есть у насъ Атаманы чище Ермака Тимоѳеевича. Атаманъ Мещерякъ и на тихомъ Дону былъ его старѣе, да почестнѣе . . . »

« Ты проворенъ ,» замѣтилъ ему козакъ , слушавшій его со вниманіемъ, «поди-ка сунься, а мы на тебя посмотримъ. »

« Что жъ за диковина , » отвѣчалъ Самусъ, «только не выдайте . . . »

На это слово показался Ермакъ Тимоѳеевичь въ сопровожденіи всѣхъ Атамановъ, въ томъ числѣ больнаго Грозы , и всѣ , по невольному побужденію, начиная съ самаго Самуса, замолчали и съ подобострастіемъ ожидали его рѣчи.

« Братцы , » сказалъ онъ , снявъ шапку и поклонясь на всѣ сторо-

ны. «Съ Божіею помощію мы выполнили обѣтъ свой предъ Господомъ и сдержали слово, данное людямъ именитымъ. Мы послужили вѣрою и правдою и Царю Небесному и Царю земному, не жалѣли ни трудовъ, ни крови, ни жизни, карая враговъ Искупителя и Государя Православнаго. Но не дешево мы купили торжество свое и право на милость Царя Іоанна Васильевича. Болѣе трехъ храбрыхъ товарищей положили честные животы свои за дѣло великое—за покореніе Царства Сибирскаго! Смѣло можемъ надѣяться теперь, что Царь Московскій—строгій, но справедливый — уважитъ наши ему послуги и дозволитъ съ честію вернуться намъ на берега тихаго Дона.»

«Не гнѣви Бога, Ермакъ Тимоѳеевичь,» прервалъ Мещерякъ громко

и смѣло, «не губи наши головушки, не выдавай своихъ товарищей. Къ чему обольщаешь себя и насъ надеждою, чтобъ Іоаннъ могъ забыть и простить когда либо наше противу него возстаніе, или чтобъ онъ поступилъ честнѣе съ завоевателями Сибири — невѣдомыми никѣмъ козаками, чѣмъ поступилъ съ покорителями Царствъ Казанскаго и Астраханскаго — знаменитыми воеводами Князьями Курбскимъ и Пронскимъ. Первый едва ушелъ отъ его плахи къ Ляхамъ, втораго велѣлъ онъ задушить въ тюрьмѣ. Вотъ какими милостями Іоаннъ воздаетъ за вѣрныя службы! И неужели мы лили кровь нашу, два года не знали ни дня покоя, ни часа жизни — для позорной плахи или петли? Да и за чѣмъ,

братцы, добровольно ищти намъ на бѣду? когда кровію и трудами купили себѣ царство! Оно наше, дадимъ его — кому хощимъ, наградимъ имъ — кого признаемъ достойнымъ. А кто же достойнѣе владѣть имъ, какъ не храбрый вождь нашъ, Ермакъ Тимофеевичь? Поклонимся ему завоеваннымъ нами царствомъ. Да здравствуетъ Царь Сибирскій, Ермакъ Тимофеевичь,» закричалъ онъ, кинувъ вверхъ шапку.

Козаки — одни подстрекаемые хитрою лестію Мещеряка, другіе приготовленные имъ заранѣе, трепьи, думая показать преданность свою вождю, съ громкимъ восторгомъ повторили: ура! въ знакъ своего согласія.

Едва замолкъ шумъ, Ермакъ снова обратился съ рѣчью къ своимъ товарищамъ.

« Нѣтъ, братцы, не предать васъ хочу, а выкупить, » сказалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ. Принять даръ вашъ — значило бы не жалѣть васъ, значило бы отдать ваши головы за свою спѣсь и проклятую гордость. Гордымъ Богъ противится, глаголетъ Священное писаніе! Чѣмъ и какъ мы удержимъ наше царство, слабѣя ежедневно въ силахъ, хотя и побѣждая? Года въ два, много въ три, исчезла бы храбрая дружина наша въ битвахъ, или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые

платятъ намъ дань подъ угрозою меча или выстрѣла? »

« Отъ тебя будетъ зависѣть, Ермакъ Тимофеевичь, » замѣтилъ Мещерякъ, « увеличить свою рать новыми твоими подданными. Подъ твоими знаменами они также будутъ храбры и непобѣдимы, какъ ...»

« Худа надежда, Атаманъ, на иноземцевъ, иновѣрцевъ и наемниковъ,» прервалъ его Гроза, давно пылавшій къ нему негодованіемъ. « Вмѣсто того, чтобъ биться за одно, въ одну душу, нужно смотрѣть еще за ними и остерегаться, чтобъ при первомъ невзгодьѣ, они первые не перерѣзали своихъ. Наемщикъ служитъ не изъ любви къ родинѣ, защищаетъ не честь своей отчизны, умираетъ не за память родныхъ своихъ — а за корысть;

кто больше ему дастъ, тотъ и любъ, — гдѣ болѣе выгодъ — тамъ и отечество. »

« Напрасно обижаешь, Атаманъ молодецъ, » перебилъ его съ негодованіемъ Мещерякъ, понимая, что слова сіи мѣтятъ на него, «храбрую нашу дружину Нѣмцевъ и Ляховъ. Пошлюсь на всѣхъ товарищей и на самаго Ермака Тимофеевича, что они не отставали позади козаковъ и въ напасти и опасности. . . . »

«Ты криво примѣнилъ рѣчи мои, » отвѣчалъ Гроза. «Наши Нѣмцы, Ляхи, Литвины, не наемники, — не одна корысть сдружила ихъ съ нами, они не жалѣли живота также для родины своей, ... зная, что до нее одна имъ дорога чрезъ Си-

бирь и славно выслужили свою свободу. »

« Не о томъ рѣчь, молодцы Атаманы и храбрые товарищи, » сказалъ Ермакъ съ примѣтною досадой на Грозу и Мещеряка, « мы собрались сюда рядить дѣло важное, пришли рѣшить, что дѣлать съ завоеваннымъ нами царствомъ? Вы, по милости своей, жалуете имъ меня, но могу ли я принять оное, помня, что мы обѣщали Богу и честнымъ людямъ воевать отдаленныя страны сіи именемъ Царя Московскаго. Статься можетъ, что Господь благословилъ труды наши на его счастіе. И такъ, — послѣ сего дерзнемъ ли мы располагать чужимъ добромъ? Нѣтъ, братцы, не хочу грѣха на свою душу и бѣды на ваши головушки. Отдавъ Ца-

рю Московскому, принадлежащее ему по всѣмъ правамъ, новое царство, мы заслужимъ его Царскую признательность, забвеніе прежнихъ винъ нашихъ и благословеніе Отечества. Поступивъ же вопреки клятвы нашей и благоразумія, навлечемъ на себя новыя бѣды и напасти. Не думайте, чтобъ Божеское наказаніе не поразило клятвопреступниковъ, а желѣзный хребетъ не укроетъ насъ отъ справедливаго гнѣва Царя Московскаго. Доблестные воеводы его найдутъ насъ и на краю моря студенаго.... Да здравствуетъ Іоаннъ Васильевичь, Царь Сибирскій и Московскій,» воскликнулъ онъ, махнувъ своею шапкой.

Истина словъ Ермака и привычка козаковъ слѣпо во всемъ ему довѣрять, восторжествовали надъ зло-

намѣренностію Мещеряка, увлекшаго легковѣрныхъ и пщеславныхъ хитрою своею рѣчью. Всѣ единогласно воскликнули: ура! да здравствуетъ Царь Іоаннъ Васильевичь, а нѣсколько бочекъ касапчатаго (повареннаго проворными козаками изъ мёду захваченнаго у Епанчи) выкаченныхъ по приказу Ермака, придали силы и охоту долго и громко повторять сей возгласъ.

«Ну, братъ Самусъ, придется тебѣ отложить походъ свой въ Москву,» сказалъ Мещерякъ съ досадою, войдя въ свою хату, гдѣ уже дожидался соучастникъ его. «Наша не взяла.»

«Какъ же ты завѣрилъ, что онъ подастся,» спросилъ Самусъ.

«И подался бы, анъ на бѣду, изъ гроба вылѣзъ полумертвый Гроза

и пожаловалъ велемудрый его споручникъ Кольцо. Видно они-то его и смупили. »

« Не легко же намъ, Ашаманъ, будетъ найти другой случай сбить съ нихъ спѣсь. Кабы Ермакъ хоть не множко подался, я бы имъ голубчикамъ поднесъ на блюдичкѣ по подарочку изъ Москвы бѣлокаменной.»

« Да! ужъ Царь Московскій добрался бы до самодѣльнаго Царя Сибирскаго и его свѣтлыхъ бояръ; ха! ха! ха! но посшой Самусъ, можетъ быть и поправимся. Если Ермакъ вздумаетъ послать въ Москву бить челомъ Царю завоеваннымъ царствомъ, — то дѣло безъ меня не обойдется. »

« А почему же обойдетъ онъ Кольца или Грозу, а можетъ пошлетъ и Пана, » замѣтилъ Самусъ.

«Первыхъ двухъ пожалѣетъ,» отвѣчалъ Мещерякъ. «У Московскаго Царя не ровенъ часъ, пожалуй не посмотритъ и на пословъ; велитъ сначала ихъ перевѣшать, какъ опальныхъ, а потомъ приметъ подарочекъ. Панъ же безошвѣтная головушка.»

«Правда, я забылъ, что съ Кольцомъ нашъ не разстанется,» подхватилъ Самусъ, «а Гроза еле живъ шатается.»

«Молись Богу, будетъ по нашему,» сказалъ Мещерякъ.

Но Провидѣніе и на сей разъ не допустило выполниться его злонамѣреннымъ видамъ, поставивъ собственную его хитрость однимъ изъ главныхъ тому препятствіемъ. Мещерякъ успѣлъ заставить проницательнаго Ермака Тимофеевича

считать его возстаніе пропивъ Царя Московскаго жертвою неограниченнаго къ себѣ усердія, а потому онъ пожалѣлъ отправить его въ Москву, боясь гнѣва Іоаннова, въ случаѣ, если бъ дошло до свѣдѣнія его сіе происшествіе, а назначилъ въ знаменитое посольство Ивана Ивановича Кольца, перваго своего сподвижника, перваго въ думѣ и сѣчѣ.

ГЛАВА VI.

Семейное несогласіе Строгоновыхъ. — Денисъ Орелъ отправленъ въ Москву. — Непріятное положеніе Максима Яковлевича Строгонова. — Прекрасная утѣшительница. — Святочныя забавы. — Гаданье. — Колдунья. — Радостныя вѣсти. — Встрѣча соперницъ. — Примиреніе братьевъ. — Сборы въ Москву.

Снѣгъ падалъ такими большими охлопками съ низкихъ, сизыхъ облаковъ, какъ воронье крыло, — что въ самые полдни въ Орлѣ-городкѣ было темно, словно въ сумерки. Максимъ Яковлевичь, отдохнувъ послѣ обѣда, сѣлъ на свои желѣзныя кресла и—задумался. Правду сказать, ему было о чемъ подумать: вотъ

уже близъ году онъ не получалъ ни малѣйшей вѣсточки отъ Ермака Тимофеевича и ежечасно ждалъ грозы изъ Москвы, зная, что противъ него сильно кощунствовалъ Чердынскій Воевода Перепелицынъ. Но что всего болѣе грызло его ретивое, это несогласіе съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Никитою Григорьевичемъ, которое до того дошло, что сей послѣдній уѣхалъ на Чусовую и вступилъ въ сношенія съ его непріятелями. Хотя Максимъ Яковлевичь всячески старался не подавать брату своему причины къ неудовольствію, даже приказалъ вездѣ и во всемъ уступать ему, но никакими пожертвованіями не могъ угодить на подозрительный нравъ, легковѣрность и любовь къ навѣтамъ Никиты, который сверхъ того исполненъ

былъ самодовольствія и упрямства, такъ что малѣйшее противорѣчіе приводило его въ изступленіе, доходившее до сумасшествія. Разумѣется, что нашлись добрые люди, которые пользовались слабостями Никиты, въ особенности же Пермскій Воевода, который такъ умѣлъ возстановить его противу брата, что онъ послалъ, какъ мы видѣли въ концѣ 2-й части, челобитную на Максима къ самому Царю. Хитрый Перепелицынъ, поступая по обычаю — будто извѣстному между судьями со временъ древнѣйшихъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ: Мидянъ, Персіянъ, Грековъ и т. п. *помути Богъ народъ, накорми воеводъ*, полагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что семейственныя распри всего скорѣе могутъ лишить гордыхъ Строгоновыхъ Царской милости, и,

ослабивъ ихъ, подчинить его расправѣ.

Максимъ Яковлевичь не любилъ навѣтовъ, но не могъ запретить Денису имѣть доброжелателей при Никитѣ Григорьевичѣ, которые сообщали ему всѣ его противу брата козни и даже доставили съемокъ съ челобитной, которую онъ послалъ къ Царю съ извѣстнымъ намъ подъячимъ Ласкою. Жалоба была составлена подъ руководствомъ Перепелицына съ такимъ коварствомъ и наглостію, что могла имѣть самыя вредныя послѣдствія для всего ихъ рода и въ минуту разрушить доброе имя, богатство и силу, стяжанныя необыкновеннымъ умомъ, постоянствомъ и добродѣтелями ихъ знаменитаго дѣда, Аники Григорьевича. Максимъ Яковлевичь хотѣлъ самъ отправиться въ Москву,

не смотря на разстроенное свое здоровье, пострадавшее послѣ извѣстной осады Каргедана и невозможность отлучиться отъ управленія огромными дѣлами, которыя держались единственно его благоразумiемъ, хладнокровiемъ и опытностiю. Денисъ Васильичъ, видя его затруднительное положенiе, не убоялся на старости лѣтъ, предложить себя на сiю важную послугу. Впрочемъ онъ только одинъ могъ замѣнить Максима Яковлевича, какъ по преданности къ пользамъ его, такъ и по совершенному знанiю всѣхъ навѣтовъ и обвиненiй, которыя долженъ онъ былъ опровергать предъ верховною Царскою Думою. Онъ же одинъ въ состоянiи былъ и подкрѣпить челобитную, которую послалъ Максимъ въ оправданiе свое на грозную Царскую грамоту,

сообщенную ему воиномъ Аничковымъ.

Прошло уже болѣе шести мѣсяцевъ и со времени отъѣзда стараго Орла въ Москву, а не было никакой отъ него отповѣди. Всё это взошло на мысль Максиму Яковлевичу и онъ не хотя повѣсилъ голову. Въ эти минуты являлась къ нему обыкновенно Ангеломъ утѣшителемъ прекрасная его Татьяна. И теперь пришла она въ сопровожденіи всей своей веселой свиты. Она всячески старалась развеселить роднова, ласкалась къ нему какъ малая пташечка къ своей мамери, крѣпко цѣловала его руку, разсказывала ему о шуткахъ и дракахъ ея забавниковъ, наконецъ пропѣла ему его любимую пѣсенку, а все не помогло ей разбить глубокой его думы. Онъ только по временамъ нѣжно взгля-

дывалъ на нее и крѣпко прижималъ къ своему сердцу. Даже Горынычь, который лучше всѣхъ умѣлъ развеселять именитаго человѣка, теперь не обращалъ его вниманія, хотя, правду сказать, онъ никогда не бывалъ такъ смѣшенъ и забавенъ. Горынычь съ нѣкотораго времени находился на высшей точкѣ спѣси и наглости — раздувалъ щеки, смотрѣлъ на всѣхъ съ высока, никого не удостоивалъ поклономъ, расхаживалъ, заложивъ руки назадъ и нахмуря брови въ знакъ размышленія, какъ будто передразнивалъ нравственныхъ пигмеевъ, принимающихъ не рѣдко сіи положенія отъ малѣйшей улыбки непостоянницы — фортуны или кинутыхъ случаемъ въ дѣловые люди! Горыныча увѣрили, что воинъ Аничковъ отдалъ Максиму Яковлевичу грамоту,

коею Царь Іоаннъ Васильевичь пожаловалъ его въ Думные Бояре, наслышавшись о его разумѣ и храбрости, и требуетъ его предъ свои ясныя очи; но чпо именитый человѣкъ не объявляетъ ему о сей Царской милости изъ зависти. Горынычь тщетно употреблялъ всѣ способы для полученія отъ Максима Яковлевича своей грамоты: просьбы, угрозы, награды, которыя обѣщалъ излить на него, сдѣлавшись Думнымъ Царскимъ Совѣтникомъ, даже хотѣлъ постараться, чтобъ Строгонова перекрестили въ Вогулы....

Видя безуспѣшность всѣхъ сихъ средствъ, Татьяна рѣшилась попросить у своего родителя позволеніе погадать, тѣмъ болѣе, что настало уже время святокъ, когда ворожба составляла повсюду пріят-

нѣйшую для всѣхъ забаву и упражненіе. Максимъ Яковлевичь безъ труда согласился на желаніе милой своей дочери, приготовясь и самъ загадать о своихъ думахъ.

Старушка, почитавшаяся первою ворожеею въ Орлѣ-городкѣ, принесла чернаго пѣтуха и выпустила его посреди четырехъ насыпанныхъ кучекъ разныхъ зеренъ и стала со вниманіемъ примѣчать, которую изъ нихъ прежде станетъ клевать онъ? Пѣтухъ, не смотря, что въ одной изъ сихъ кучекъ насыпана была пшеница, а въ другой рожь, кинулся клевать овесъ, а это, по мнѣнію Сивиллы, предвѣщало великую напасть. (*) Три раза

(*) Сей способъ предвѣщанія есть самый древнѣйшій въ Россіи и конечно можетъ почесться остаткомъ Греческой Алекстро-

мѣшали кучки и при раза пѣ-
тухъ предпочиталъ овесъ и яч-
мень прочимъ зернамъ такъ,
что вѣщунья сама пригорюнилась.
Вторая ворожба съ растопленнымъ
воскомъ, оловомъ и золотомъ, объ-
ясняемая другою сѣнною старушкою, была упѣшительнѣе для Максима Яковлевича. На вылитомъ въ воду оловѣ до трехъ разъ выходилъ сверху мостъ, а это значило, по

мантіи. Греки гадали имъ слѣдующимъ образомъ: на пескѣ или на мелкой землѣ они обводили кружекъ, который раздѣляли на 24 части. Въ каждую клали букву, а при ней зерно, и по пѣмъ буквамъ, которыя пѣтухъ склюетъ, не выходя изъ круга— выводили предсказательное слово. Такимъ образомъ Софисты Либаній и Ямблихъ предсказывали, что преемникомъ Императору Валентиниану будетъ Ѳеодоръ, ибо пѣтухъ съѣлъ зерна, лежавшія при буквахъ Ѳ. Е. О. Д.

толкованію ворожеи, дорога съ полудня, т. е. изъ Москвы дѣдушкѣ Денису, снизу же видѣлись все частоколы, да покойники, да высокія горы. Первые, по словамъ гадательницы, означали великую сѣчу на полуночи, а горы — край свѣта. И на воску, и на золотѣ Татьянѣ Максимовнѣ выливалось одно изображеніе храма Божія.

«Ну, родимая, быть тебѣ подъ вѣнцомъ нынѣшнимъ же мясоѣдомъ,» сказала съ восхищеніемъ няня, разглядывая слипокъ.

«Бога ты не боишься, Ѳедотьевна,» перебила ее со страхомъ ворожея, — «толковать криво не наше дѣло. Гдѣ ты нашла тутъ вѣнцы, да брачныя свѣчи? Посмотри-ка по пристальнѣе—такъ и увидишь при церквѣ-то кладбище съ крестомъ

и ширинкою, а это значитъ монастырь и монахиню.

Старушки долго между собою спорили и не соглашались, а въ Татьянѣ изображеніе монастыря и монахини оставило какое-то непріятное впечатлѣніе; она думала слышать предсказаніе будущей судьбы своей.

«Ну-ка, Ѳедотьевна,» сказалъ Горынычь, поворожи-ста мнѣ — скоро ли попаду я въ Цари Сибирскіе на мѣсто Кучума?»

«Давно ли, братъ, въ бояра-то пожалованъ, а ужъ лѣзешь въ Цари,» замѣтилъ съ улыбкою Максимъ Яковлевичь.

«Велико дѣло, братъ, изъ Московскихъ бояръ попасть въ Сибирскіе Цари,» отвѣчалъ спѣсиво Горынычь — вѣдь не вѣкъ же сидѣть въ боярахъ. И надоѣстъ....»

Между тѣмъ сѣнныя дѣвушки перешептывались съ Татьяною Максимовною. Открылось, что онѣ приготовили на Красномъ дворѣ Остяцкую колдунью, которая весьма хорошо ворожила на молокѣ, кипящемъ на огнѣ. И Максимъ Яковлевичь пошелъ смотрѣть на кудесницу. Это была слѣпая (*) безобразная женщина, что въ глазахъ суевѣрія служило знакомъ особеннаго благоволенія къ ней духовъ. Любопытные толпились вокругъ ея и распрашивали о значеніи разныхъ побрякушекъ, висѣвшихъ на ея платьѣ и она толковала, что человѣческое лице означало — солнце,

---

(*) Замѣчательно, что въ Сибири Шаманы и Шаманки скоро лишаются зрѣнія, вѣроятно отъ напряженія силъ при отправленіи своего колдовства.

полукружіе — мѣсяцъ, лодка — воду, треугольникъ — огонь, рѣшетка — землю и т. п. Когда заклокотало молоко въ котлѣ, то Шаманка, приблизясь къ нему съ обыкновеннымъ кривляньемъ и воемъ, стала дуть и шептать на разноцвѣтныя волны, потомъ опустила въ нихъ сучекъ пихтоваго дерева. Долго онъ то тонулъ, то выскакивалъ поверхъ, наконецъ завертѣлся.... Прорицательница отскочила отъ котла и стукнувъ нѣсколько разъ глухимъ тимпаномъ своимъ, завопила страннымъ голосомъ: «*бѣгутъ, бѣгутъ! И съ во-*
«*стока и съ запада; растворяй*
«*ворота, погоняй лошадей....*»

Всѣ принялись толковать значеніе темныхъ предсказаній Шаманки, а она препокойно усѣлась опорожнивать котелъ съ молокомъ, изъ

коего выплеснула только нѣсколько ковшей въ жертву огня. Еще не согласились въ значеніи послѣднихъ словъ прорицанія, а въ котлѣ оставалось еще съ доброе ведро докушать прорицательницѣ, какъ къ крѣпостнымъ воротамъ подъѣхало нѣсколько повозокъ, занесенныхъ кругомъ снѣгомъ.

Можно представить всеобщее удивленіе и радость, когда изъ первой кибитки вылѣзъ Денисъ Васильевичь, хотя обледенѣвшіе борода и усы долго не давали ему возможности произнесть единаго слова. Всѣ кинулись обнимать старика, не зная еще, добрыя или худыя вѣсти привезъ онъ изъ Москвы?

Татьяна, наблюдавшая за измѣненіями лица Максима Яковлевича, первая замѣтила на слѣдующее утро, когда пришла съ нимъ здороваться,

что вѣсти изъ Москвы были радостныя. И дѣйствительно, умный, усердный Орелъ такъ хорошо обработалъ дѣла своего патрона, что выхлопоталъ даже опальную грамоту отъ Царя Іоанна Васильевича, коею повелѣвалось Чердынскому Воеводѣ выдать головою Никиту Строгонова, брату его Максиму, со всѣмъ его животомъ и людьми, за его Никитино воровство. (*)

Не помню, гдѣ-то я читалъ, *что Исторія самыхъ отдаленнѣйшихъ народовъ, есть ничто иное, какъ вѣрное описаніе настоящаго.* Дѣйствительно: изъ стари говорится, что одна бѣда не проходитъ, одна

(*) Подобною грамотою въ Сольвычегодской посадъ, дѣйствительно приказано было отдать въ 1759-мъ году Семена Строгонова братьямъ его Якову и Григорью.

радость не бываетъ, а свѣтъ не измѣнился. Кому везетъ, тому все на радость, да въ прибыль....

Кому же заколодитъ, то бѣда встрѣчаетъ, горе провожаетъ. Любовь его къ ошечествиу — толкуютъ барбаризмомъ, усердіе къ добру умысломъ, благородную откровенность — опасною нескромностію....

Тоже, или почти тоже случилось и съ Максимомъ Яковлевичемъ. Не далѣе, какъ вчера, мы видѣли его въ самомъ трудномъ положеніи; казалось, все вооружилось противу него, со всѣхъ сторонъ ждалъ онъ напасти и горя. Съ пріѣздомъ Дениса Орла все измѣнилось: радости смѣняли одна другую. На другой же день еще болѣе онъ былъ обрадованъ и изумленъ вѣстію изъ Искера о дивныхъ подвигахъ Ерма-

ка Тимофеевича въ Сибири. Вѣрный Уркунду передалъ съ рукъ на руки Велику доброй Татьянѣ.

« Ай, да колдунья, толковали по всему Орлу-городку, какъ сонъ въ руку. Вотъ тѣ: *и бѣгутъ, и бѣгутъ!* Ужъ впрямь прибѣжали добрыя вѣсточки и съ Москвы и съ Сибири. »

« А чѣмъ же хуже мостъ мой, возразила Ѳедотьевна, обидясь, что слова Шаманки предпочитали ея прорицаніямъ. Она проклятая, не съумѣла же отгадать, даромъ, что съ чертями водится, о покойникахъ, а я ихъ, какъ на блюдичкѣ выложила. Пусть ворота-то отворились, а ужъ о коняхъ-то наврала, моя матушка. »

Нѣтъ, не наврала, ибо не успѣлъ еще бѣдный старикъ опомниться, не только отдохнуть, какъ собра-

ли его въ дальній и поспѣшный путь. Изъ боярской конюшни выбраны были для него, что ни есть лучшіе, заповѣдные кони, даны въ провожатые, что ни есть, лучшіе люди и онъ только, что выѣхалъ за ворота крѣпости, какъ приказалъ *погонять лошадей.*

Удивительное сходство чувствъ и характеровъ сблизили съ перваго дня Татьяну съ Великою. Въ самое короткое время онѣ подружились, какъ двѣ родныя сестры, во всемъ признались, все пересказали другъ другу, только скрыли, какъ говоритъ преданіе, тайну своего сердца — изъ какой-то непоняшной имъ самимъ стыдливости, а можетъ быть, таинственнаго предчувствія, что онѣ соперницы, что предметъ любви ихъ — единъ.

Внезапный отъѣздъ Дениса Васильевича изъ Каргедана сдѣлался предметомъ толковъ и переполковъ всѣхъ жителей. Болѣе всего думали, что онъ поѣхалъ въ Чердынь за чѣмъ ни есть важнымъ, хотя уже нѣсколько лѣтъ онъ не бывалъ тамъ, но никому не могло впасть въ голову, чтобъ онъ отправился въ Чусовую, а того меньше видѣть его возвратившимся съ Никитою Григорьевичемъ.

Трогательно было свиданіе двухъ братьевъ, разлученныхъ между собою и сдѣлавшихся врагами не столько отъ неравенства характеровъ, сколько отъ коварства людей, находившихъ въ томъ свои виды. Ненависть Никиты была столь велика къ Максиму Яковлевичу, что Денисъ, пріѣхавъ отъ него съ поруганіемъ, подвергалъ себя не малой

опасности по неукротимой его запальчивости или по крайней мѣрѣ могъ быть прогнанъ съ двора безъ отвѣта. Но Орелъ надѣялся, по праву общаго къ нему уваженія Строгоновыхъ, что Никита Григорьичь не только допуститъ его къ себѣ, но выслушаетъ равнодушно и — не ошибся. Онъ пріѣхалъ съ предложеніемъ Максима Яковлевича къ брату своему забыть вражду ихъ и ѣхать вмѣстѣ, не медля ни мало, въ Москву, дабы быть первыми вѣстниками завоеванія Сибирскаго Царства, что безъ сомнѣнія облегчитъ ему возможность выпросить для него Царское прощеніе. Какъ ни крутъ былъ и надмененъ Никита, но увидя свою опасность, призналъ великодушіе брата Максима и согласился тотчасъ же от-

правиться съ Денисомъ въ Орель-городокъ.

Братья бросились въ объятія одинъ другаго и долго плакали, не говоря ни слова. Наконецъ Максимъ Яковлевичь сказалъ всхлипывая: «Братъ! забудемъ старое и будемъ «впредь не на словахъ и бумагѣ, а «въ сердцѣ и на дѣлѣ родными...»

Сборы именитыхъ людей продолжались не долго, не смотря на разлуку Максима Яковлевича съ милою своею Татьяною. Онъ бралъ съ собою Велику въ Москву въ надеждѣ опыскать тамъ ея отца, или что нибудь о немъ провѣдать; а разставаньe, можетъ быть навѣки двухъ нѣжныхъ подругъ, стоило также нѣсколькихъ дней неутѣшныхъ слезъ и рыданій. Впрочемъ богатымъ людямъ и тогда ни въ чемъ не было остановки — стоило толь-

ко захотѣть и исполнилось. Строгоновъ приказалъ наложить въ сани соболей, лисицъ и тому подобнаго. Съ такими документами онъ надѣялся успѣшнѣе достичь своей цѣли при дворѣ Царскомъ.

Въ день своего отъѣзда Строгоновы отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, и прямо изъ храма Божія сѣли въ повозки и пустились въ дальнюю дорогу, напутствуемые слезами и благословеніями всѣхъ домочадцевъ, въ особенности Дениса, который, по старости лѣтъ, не думалъ уже дождаться ихъ на бѣломъ свѣтѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.